

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КОНОПЕЛЬКО ИРИНА ВИКТОРОВНА

**ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

23.00.02 – Политические институты,
этнополитическая конфликтология, национальные
и политические процессы и технологии

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Н.П.Медведев

Ставрополь - 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ	12
1.1. Демократизация как тенденция современного политического процесса	12
1.2. Консолидация демократии как условие демократизации общества	48
ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ	84
2.1. Государственное управление как фактор консолидации демократии	84
2.2. Политические элиты и их роль в консолидации демократии	104
2.3. Особенности консолидации демократии в России	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	132
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	138

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия XX века во всем мире обозначилась общая тенденция политического развития, связанная с постепенным преодолением диктаторских и авторитарных режимов и движением к либеральным и демократическим ценностям. Этот процесс был обусловлен радикальными изменениями, которые произошли в мире в связи с распадом социалистической системы и фактическим превращением двуполярного мира в однополярный. Со всей остротой встал вопрос об основополагающей идее, которая смогла бы соответствовать как устремлениям самых разных стран и народов, так и отвечать сложившимся социально-политическим условиям. По существу, это был вопрос о выборе между демократией и социализмом. Решение этого вопроса и актуализирует проблематику диссертационного исследования.

Существенным образом изменился вектор политического мышления и политической науки. Главное внимание стало уделяться процессам, связанным с распространением и утверждением демократических принципов, проблеме моделей и механизмов демократизации.

Все дело в том, что сам процесс демократизации во многих переходных странах наталкивался на довольно серьезное сопротивление, обусловленное действием множества факторов объективного и субъективного характера. Это сопротивление было связано с несоответствием между западными, преимущественно американской, моделями демократизации и социокультурными особенностями стран, избравших для себя путь демократических преобразований. Произшедшие в таких странах политические прорывы сами по себе не обеспечивали еще автоматического господства демократии во всех сферах жизни. Отсутствие быстрых ощутимых результатов вызывало чувство разочарования и растерянности, сопровождалось политическими откатами и даже реставрациями. Сама жизнь заставила обратиться к научным исследованиям проблем демократизации, прояснению ее сущности и механизмов. Одним из таких исследований является данная диссертационная работа.

Актуальность изучения данной темы обусловлена и процессами,

происходящими в современной России. В российском обществе утверждение демократии происходит чрезвычайно медленно, трудно и связано с постепенным достижением политического согласия в обществе, выработкой оптимального сочетания интересов разных политических сил, «взрослением» политической элиты, нахождением необходимого баланса государства и гражданского общества.

Современная Россия только ищет пути достижения общественного согласия, находится в самом начале стадии демократической консолидации. В этих условиях важно по возможности объективно разобраться со сложившейся ситуацией, исследовать механизмы демократической консолидации российского общества, уточнить особенности современной стадии развития процесса, рассмотреть место и роль государства, политической элиты в процессе демократизации России.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика демократической консолидации была поставлена западными исследователями уже в 80-е годы XX столетия в рамках получившей мировую известность модели демократического транзита и в связи с возникновением так называемой третьей волны демократии. Это работы Л. Даймонда, А. Валенцуэла, Г.О'. Доннелла, Р. Риггса, Ф. Шмиттера¹. Однако в работах этих авторов консолидация демократии рассматривалась лишь как третья стадия процесса демократизации, не выступала еще предметом всестороннего анализа. Сам термин консолидации демократии содержал значительный внутренний смысл, что послужило отправным пунктом нашего исследования.

Для достижения поставленной в диссертации цели, решения задач исследования большую роль сыграло обращение к ряду авторов, разрабатывающих близкие к теме исследования проблемы.

¹ Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис, 1996. - № 5. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? – Полис, 1999. - №1; Mainwaring S., O. Donnell G., Valenzuela A. (eds) // *Ussions in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective*. South Bend: University of Notre Dame Press, 1992

Так, вопросы понимания сущности политического процесса, функционирования политических систем получили основательную разработку у таких исследователей западной демократии, как А. Бентли, Г. Алмонд, Д.Истон, Т. Парсонс, Г. Лассуэл, Л. Козер, Д. Трумэн¹. Важным результатом исследований политического процесса этими авторами стало понимание данного процесса как адаптации политической системы к изменяющимся условиям социальной жизни.

Переход к демократии, причины, условия и предпосылки такого перехода, а также проблема устойчивого функционирования демократического общества исследовались Р.Далем, Т.Карозерсом, Д.Ростоу, Ф. фон Хайеком и другими.²

Вопросы политического управления процессами консолидации демократии, роли политической элиты в демократизации были рассмотрены в работах Ч. Линдблома, Г.Саймона, Р. Хантера, Д. Хигли.³

Многообразие вариантов перехода от бюрократически-авторитарных систем к демократическим фиксируется в трудах Э.Арато и Д.А.Коэн. Интерес представляет выделение ими таких стадий демократизации, как инициация, консолидация и завершение.⁴

Попытка рассмотрения консолидированной демократии как особого политического режима, возникающего при определенных условиях, принадлежит таким авторам как Х. Линцу, А.Степану.⁵

В последние десятилетия XX века проблемами демократизации, демократического транзита заинтересовались российские ученые. Различные аспекты социально-политической трансформации общества поднимались в

¹ Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton N J: Princeton University Press, 1963; Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.; Истон Ф. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. – М., 1997.

² Ростоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис, 1996. - №5; Dahl R. Democracy and its Critics. New Haven, London Yale University Press, 1989/

³ Lindblom Ch., Woodhouse L. The Policy – Making Process. – Englewood cliffs, 1993

⁴ Арато Э., Коэн Д., Гражданское общество и политическая теория. – М.: 2003.

⁵ Linz J., Stepan A. Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7 №2.

работах И.Клямкина, М.М.Лебедевой, А.Ю. Мельвиля, А.Никитченко, В.Пастухова, Р.Саквы, Л.В.Сморгунова, Л.Шевцовой, О.Г.Харитоновой.¹ Используя наработки западной политической транзитологии, российские политологи проделали значительную работу по популяризации, адаптированию и использованию транзитивной методологии для исследования трансформаций политического режима в России.

Исследования переходных процессов через призму теорий глобализации и модернизации осуществлено А.Н.Даниловым, М.Г.Делягиным, А.А.Дегтяревым, М.В.Ильиным, В.И.Пантиным, А.И. Соловьевым.²

Проблеме политических элит и их роли в демократизации российского общества посвящены труды Г.К.Ашина, О.В.Гатман-Голутвиной, А.В.Глуховой, В.П. Елизарова, А.В. Понеделкова.³

Особое значение для исследования демократической консолидации в условиях Северо-Кавказского региона имеют исследования процесса политической трансформации, проведенные В.А.Авксентьевым, А.В.Барановым, О.Н.Гундарь, Г.С.Денисовой, В.Ф.Дзидзоевым, А.Ю.Коркмазовым, В.Н. Коноваловым, Г.В.Косовым, С.В.Передерий, А.А.Магомедовым, Н.П.Медведевым, В.Р.Чагиловым, А.А.Нагуровым, В.Ю.Шпаком, В.М.Юрченко и другими.⁴

¹ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. – М.: 1999; Лебедева М.М. Мировая политика. – М., 2000; Харитонova О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. – 1996. – №5;

² Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. – М.: «Новый век», 2003. – 276 с.; Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. – М.: ИНФРА. – 2003. – 768 с.; Дегтярев А.А. Основы политической теории. – М.: Высшая школа, 1998. – 239 с.;

³ Ашин Г.К., Понедельников А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М., Основы политической элитологии – М.: 1999.; Гатман – Голутвина О.В. Политические элиты России. – М.: 1998.; Елизаров В.П. От авторитаризма к демократии: две модели // Pro et contra/ 1998. - №3

⁴ Баранов А.В. Политическая регионалистика. – М.: Союз, 2003. – 172 с.; Гундарь О.Н. Политическая транзитология: гипотезы и решения. Социокультурные, политические, этнические проблемы современного российского общества: Мат. конф. – Ставрополь: СГУ, 2004 – 295 с.; Передерий С.В. Политическая власть в современном российском обществе: новые реалии и тенденции / Мат. конф. – Ставрополь.: СГУ, 2004. – 295 с.; Медведев Н.П. Социальная транзитология: вопросы содержания и методы / Мат. конф. – Ставрополь.: СГУ, 2004. – 295 с.

Различные аспекты демократической консолидации российского общества рассматривались на секции «Социальная транзитология: философские, политологические и социологические аспекты» в рамках 49-й научно-методической конференции «Университетская наука - региону» (апрель, 2004, г. Ставрополь); на региональной научно-практической конференции «Россия в условиях глобализации: философские, социокультурные и политические проблемы» (май, 2004, г. Невинномысск).

Вместе с тем пока еще отсутствуют работы, в которых проблемы демократической консолидации получили глубокое и всестороннее освещение. Представленная диссертация восполняет в определенной степени этот пробел.

Объектом исследования является процесс демократизации общества.

Предметом исследования является демократическая консолидация как условие утверждения демократических начал в современном обществе.

Основной целью диссертационного исследования является определение факторов, влияющих на процесс демократической консолидации в условиях политических трансформаций.

Указанная цель конкретизировалась через постановку и решение **задач**:

- на основе анализа отечественных и зарубежных политологических концепций уточнить сущность и содержание понятия «демократическая консолидация» путем сопоставления с близкими по смыслу понятиями: «консолидация демократии», «консолидированная демократия», «реконсолидация демократии»;

- выявить демократическую направленность политической динамики современного мира;

- рассмотреть пути и способы консолидации демократии в современном мире;

- исследовать способы политического управления процессами

демократической консолидации на государственном и региональном уровне;

- раскрыть особую роль политических элит в процессе консолидации общества;

- показать особенности демократической консолидации в современном Российском обществе.

Теоретико-методологической основой диссертации являются принципы и подходы к исследованию демократизации общества, содержащиеся в работах западных политологов Ф. Шмиттера, Х. Линца и А. Степана, Г. Карозерса, Т. Парсонса, Л. Даймонда и российских исследователей А. Мельвиля, А. Панарина, Л. Сморгунова, М. Лебедевой, Ф. Казина и др.

Рассмотрение ряда вопросов, дающих возможность целостного анализа демократической консолидации в современном политическом процессе, потребовало обращения к системному подходу.

В ряде случаев, где идет речь о сравнении существующих моделей демократии, применяется компаративный подход. Транзитивный анализ переходов от авторитарных к демократическим режимам дополняется институциональным подходом, раскрывающим роль и значение старых и новых институтов власти и бихевиористским подходом, позволяющим увидеть закономерности участия граждан в политическом процессе.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- проведено адаптирование транзитологического подхода к исследованию демократической консолидации в условиях трансформирующегося Российского общества;

- на основе анализа современных концепций демократизации выявлена взаимосвязь двух феноменов политической жизни: демократического транзита как перехода от авторитарных к демократическим режимам и консолидации как особой фазы развития демократии;

- уточнено определение понятия «демократическая консолидация»;

- выявлены возможности и особенности государственного управления процессом демократической консолидации;
- определены факторы и условия демократической консолидации как заключительной фазы процесса демократизации;
- раскрыта особая роль политических элит и лидеров в процессе демократической консолидации общества;
- разведены понятия «политические акторы» и «политические субъекты»;
- выявлены особенности процесса демократической консолидации в современной России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Демократическая консолидация на современном этапе рассматривается не только как процесс сплочения политических сил общества, относящих себя к демократическому движению, но и как процесс, характерный для всего политического режима, для отношения между различными политическими силами, согласными с правилами демократического соперничества, для трансформации глубинных перемен в политической культуре общества. Демократическая консолидация – это сложное понятие, содержание которого не сводится лишь к политическим аспектам демократизации, а включает в себя такие параметры демократического развития, как проведение индустриализации, наличие всеобщего среднего образования, развитые международные связи государства, мирный, консенсуальный переход от авторитарного режима к демократическому.

2. Процесс демократизации все больше приобретает глобальный характер. Это означает, что на форму, интенсивность, характер переходных демократических процессов оказывают влияние не только национальные, исторические, экономические, социальные и культурные особенности отдельных стран, но и разнообразные факторы международного характера. Ни одна страна не может не испытывать на себе влияния демократических

изменений, получивших название демократического транзита.

3. Изменение политического режима как главного условия демократического перехода обуславливает способ и темпы процесса консолидации демократии, предполагает режимные варианты траектории развития. Они могут быть самыми разными в интервале от достижения консолидации демократии до появления гибридных режимов, в частности, «фасадных», «электоралистских», «управляемых» режимов.

4. Главными акторами демократической консолидации является политические элиты и лидеры, выражающие интересы определенных социальных слоев и групп общества, обладающие значительными возможностями в выработке политических решений. Необходимо провести различие между политическими акторами и политическими субъектами. Их различие состоит в том, что политические акторы оказывают непосредственное, определяющее влияние на политические процессы, а субъекты, выступающие как различные социальные силы – опосредованное. Такое различие обусловлено разным уровнем политического сознания, политической культуры и политического поведения различных социальных групп. Поэтому одной из значимых проблем консолидации демократии выступает обеспечение роста политической культуры различных субъектов политики.

5. Российский опыт консолидации демократии, который не является еще завершенным, позволяет говорить о некоторых узловых моментах взаимодействия и установления определенных договорных оснований демократического режима. Эффективное политическое руководство выступает в качестве признака консолидации демократии. Договоры о разграничении компетенции и полномочий между центральными органами и органами власти субъектов Российской Федерации определили правила взаимодействия федеральных и региональных властей.

Теоретическая значимость работы раскрывается в приращении нового знания о месте и роли переходных состояний в структуре

современного политического процесса, в определении консолидации демократии как стадии процесса демократизации, во введении в научный оборот проблематики демократического транзита в связи с исследованиями демократической консолидации; в уточнении ряда научных понятий в аспекте демократической консолидации.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут стать основой для преподавателей при подготовке курсов и спецкурсов по политологии, при написании методических пособий и проблемных публикаций по сравнительной политологии.

Результаты исследования могут быть применены государственными структурами и общественными организациями для повышения политической гражданской культуры населения, формирования способности к научной оценке происходящих явлений, в практике государственного управления.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были обсуждены на заседании кафедры политологии и социологии Ставропольского государственного университета, а также представлены в выступлениях на региональных и внутривузовских конференциях: «Качество образования как социальная проблема» (г. Ставрополь, 2002), «Социально-экономическая реальность и политическая власть» (Москва - Ставрополь, 2004), «Социокультурные, этнические проблемы современного российского общества» (г. Ставрополь, 2004). Опубликовано 4 работы общим объемом 1,4 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, содержащих 5 параграфов, заключения и библиографического списка использованной литературы. Общий объем работы – 150 страниц. Список литературы включает 205 наименований, в том числе 17 - на иностранных языках.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ

1.1. Демократизация как тенденция современного политического процесса

Конец XX века ознаменовался резким усилением внимания к проблемам политической трансформации, когда международное экономическое и политическое сообщество столкнулось с принципиально новым классом проблем, которые появились в результате посткоммунистической трансформации. Почти 30 странам с населением более 300 млн. человек предстояло решать задачу, невиданную до того в мировой истории - переход от системы, основанной на тотальном огосударствлении экономической и политической жизни, к основам рыночной демократии. Причем если в ряде стран (в Центральной и Восточной Европе) это было возвращение к относительно недавнему прошлому, то на постсоветском пространстве речь шла не о восстановлении, а формировании новых хозяйственно-политических принципов, соответствующих современным критериям рыночной демократии. Поэтому мы и сосредоточили внимание на одном, весьма значимом и довольно популярном в научных кругах направлении - политической транзитологии, изучающей переходы от авторитарных к демократическим режимам.

Политические процессы издавна привлекали внимание ученых - политологов, социологов, экономистов, историков и правоведов. Объяснение и интерпретация таких понятий, как «политическое развитие» и «политический процесс», «стабильность» и «устойчивость» и др., составляет сущность серьезных теоретических разногласий между научными школами.

Мощный импульс исследованиям в области политической динамики дала теоретическая разработка ряда концепций (модернизация, «зависимое развитие», миросистемный анализ, «новый институционализм»).

Говорить о транзитологии как целостной и системной научно-исследовательской отрасли или даже отдельной дисциплине не вполне правомерно. Различные позиции многих (в основном западных) транзитологов объединяет лишь своеобразная «крыша» - модель «демократического транзита» или, точнее, «поставторитарного перехода»¹. В целом же наблюдается довольно серьезное расхождение во взглядах на функционирование этой модели и составляющих ее элементов. В связи с серьезными политическими трудностями, явно обозначившимися в жизни поставторитарных политических режимов, наметились ощутимые сдвиги в оценке ситуации «неопределенности» перехода. Это во многом подтолкнуло методологические споры вокруг теории С. Хантингтона о «третьей волне демократизации»: закончилась ли она и следует ли ожидать авторитарного «отлива» (если принимать модель «волнового» развития мирового демократического процесса), продолжается ли сегодня и на каком этапе, каковы вообще критерии так называемой демократизации, универсальны ли они или уникальны для каждой конкретной страны.

Кроме того, важно отметить, что стремление определить общий вектор движения политического процесса в мировом масштабе как однозначный переход к демократическим формам осуществления власти еще не означает принадлежность того или иного политического мыслителя современности к «транзитологам». Это еще больше осложняет понимание сути концептуальных положений транзитологии.

Стоит подчеркнуть, что сама западная «транзитология» имеет как бы два измерения: первое, которое изучает «переходный период» сам по себе и связано с понятием *transition*, и второе, которое рассматривает модель переходного периода, т.е. трансформацию политического режима – *transformation*. Но такое различие не свойственно российским исследователям политических процессов поставторитарного развития. Так В. Гель-

¹ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М., 1999. - С. 87.

ман, рассматривая модели зарубежных исследований на «российском поле», полагает уместным употреблять понятия *tranzition* и *transformation* как синонимы. При таком использовании терминов вполне естественно понимание транзитологии как «отрасли политической науки, посвященной изучению трансформаций»¹. Получается, что предмет данной отрасли - многообразные политические процессы, приводящие к качественным изменениям политического режима, объектами же изучения становятся политические факторы, институты, правовые механизмы и нормы, регулирующие отношения между ними.

Другой российский политолог, А. Мельвиль, предлагает различать структурные и процедурные аспекты демократического транзита. И на российском опыте автор показывает специфические черты общественной трансформации, которые являются также «элементами современной демократической волны»². Таким образом, очевидно, что главным в подходах исследователей-транзитологов остается обращение к схеме «демократического перехода» И даже, несмотря на весьма неоднозначные результаты поставторитарного развития Восточной Европы и бывшего СССР, схема теоретической модели (авторитарный режим-переход-демократический режим) остается как бы постоянной.

Методологическая заданность такой парадигмы определяется однозначно позитивной ценностью демократии, преимуществами ее перед другими формами политических режимов. Эта ценность рассматривается как абсолютная и вневременная, универсальная для всех стран и континентов. Таким образом, демократия становится своеобразным мерилom цивилизованности и прогрессивности социально-политического строя, основой общественных отношений и их регулятором. Повышается и значимость парадигмы транзитологии для современных социальных наук,

¹ Гельман В.Д. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. – М., 1999. - С. 16.

² Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М., 1999. - С. 98.

политической практики и ее идеологического обеспечения.

Рассмотрение политического процесса в русле методологии, использующей в качестве одной из базовых категорий понятие «демократия», подчеркивает как бы современность и актуальность именно такого ракурса исследования политических процессов. Объяснение кроется, на наш взгляд, в общей логике исторической ситуации, в которой появились и стали развиваться данные подходы. Крах авторитарных режимов в Восточной Европе и бывшем СССР удачно вписывался в общий вектор политического процесса второй половины XX века. Реальностью конца периода «холодной» войны стало общее ожидание торжества демократии как закономерного итога победы более «прогрессивного» социального строя над «менее прогрессивным»¹. Условно говоря, ситуация достаточно быстрых и весьма ощутимых для всего мирового сообщества изменений требовала адекватного объяснения причин этих явлений. Таким объяснением стала весьма удобная в идеологическом плане доктрина «глобального демократического перехода», пришедшая на смену манихейской трактовке противостояния «мировой системы капитализма» и «мировой социалистической системы» (сил «мирового добра» и «злого начала» в символическом понимании). То есть произошло видимое упрощение очевидных изменений до абстрактной, но удобной для рядового обывателя схемы. Однако слабые места этой схемы, ее неспособность охватить все многообразие поставторитарного развития и методологическое родство с концепцией научного коммунизма, на наш взгляд, подводят ее к ряду универсалистских конструкций скорее не научного, а популярно-объяснительного свойства. И в подтверждение этому можно проследить те аспекты транзитологии, которые наиболее четко отображают методологические затруднения.

Возникающие сложности с операционализацией понятия «демократия» можно снять путем использования различных сложносмысловых категорий,

¹ Цыганков А.П. Между либеральной демократией и сползанием в авторитаризм: предварительные итоги политического развития России // Социально-политический журнал, 1997. - № 1. - С. 15-17.

например «демократура», «псевдодемократия», «делегативная демократия» и др., в отношении политических режимов, не соответствующих по своим основным институциональным и функциональным параметрам так называемым либеральным демократическим системам.¹ Иначе говоря, взору исследователей, работающих в русле транзитологической парадигмы, предстает не объект исследования (скажем, система институтов или функционирование элиты какой-либо страны) сам по себе, а обязательно в сравнении с аналогичными феноменами (даже хотя бы по внешним типологическим моментам) существующих демократических систем. Таким образом, фиксируется наличие определенного «извращения» или отклонения от западных «рамочек» либеральной демократии, констатируется состояние несоответствия. Собственно «переходность» как неопределенная типологическая характеристика чаще всего фигурирует именно в таких случаях и в этой связи намечаются необходимые и возможные перемены для возвращения на исходный путь предполагаемого транзита к либеральной демократии.

Особая роль в процессе перехода уделяется различного рода факторам социальной инженерии, таким, как конструирование политических институтов, рецепция принципов правовых систем развитых демократических государств, формирование нового типа культуры на базе иного набора ценностей и приоритетов, переосмысление истории и традиций народа и т.д. Эти и многие другие факторы призваны как бы конструировать наиболее оптимальные условия для функционирования демократии и формирования среды, в которой происходит адаптация структурных и институциональных нововведений.

Зачастую именно вокруг роли тех или иных политических институтов происходят споры между политологами. Например, довольно серьезная дискуссия вокруг проблемы влияния конституционного устройства

¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999. – С.55.

государства на формирование (укрепление) демократии развернулась между такими учеными, как Х. Линц, А. Степан и А. Лейпхарт, с одной стороны, и Д. Го учеными, как Х. Линц, А. Степан и А. Лейпхарт, с одной стороны, и Д. Горовиц, М. Шугарт и Дж. Кэри - с другой. Обсуждение преимуществ и недостатков президентской, парламентской и смешанной моделей разделения властей, на наш взгляд, помимо чисто теоретического рассуждения и осмысления возможностей разных конфигураций государственного устройства имело и достаточно выраженный практический аспект.

Это происходило и в форме полного заимствования научной аргументации в практике выстраивания национальных моделей власти, и в весьма действенных практиках консультирования лидеров тех или иных политических движений, ориентирующихся на зарубежную помощь и пытающихся своим внимательным отношением к наработкам западных политологов легитимировать свои притязания на власть. Однако, несмотря на неоднозначную оценку эффективности тех или иных форм представителями различных точек зрения, дискуссия серьезно продвинула многие вопросы, связанные с анализом функционирования однотипных моделей разделения властей и различных государствах. Во многом удалось выделить сам принцип реализации той или иной модели в качестве критерия типологизации политического режима. Удалось также обобщить огромный опыт развития государств с различной историей и культурными традициями, но использующими сходные институциональные формы государственного устройства.

Другое дело - возникновение проблемы адекватного определения «отклоняющихся»¹ от демократии форм. Здесь стали очевидными ограниченные возможности чисто компаративного подхода в объяснении складывающихся институциональных рамок политических систем. Требовалось рассмотреть исторические особенности восприятия правовых и политических инноваций, отношение населения к модернизационным

¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизации. – М., 1999. - С. 17.

импульсам властных элит, степень сохранения и воспроизводства социокультурного багажа, традиций, ретрансляции устойчивых символов массового сознания.

Серьезному анализу в рамках институционального подхода подверглись и проблемы адекватности условиям стран избирательной системы и электорального законодательства принципов представительства и национально-территориального устройства. Внимание исследователей привлекает прежде всего формирование основ демократического государственного устройства на базе конституции. При этом конституция рассматривается как достаточно серьезная база институциональных изменений политического режима. Это в определенной мере упрощает значимость основного закона страны и сводит его лишь к конструктивистской схеме, закрепляющей основные правила игры в понимании инициаторов принятия именно такой версии. Конституция становится не основой национального согласия и базисной системой выстраивания согласительных процедур политических элит государства, а лишь определенной условной (связываемой с персонифицированным выражением власти в данный конкретный исторический момент, т.е. лидером) установкой существования сложившихся взаимодействий и практик управления. Именно этим в большей степени определяется непрочность и ущербность возникающей конституционной системы. Кроме того, ошибки и просчеты власти начинают восприниматься как прямо вытекающие из самой конституционной схемы, вскрывающие ее неэффективность и обосновывающие необходимость изменений.

Зачастую предлагаемые оппозицией варианты таких изменений ориентированы либо на создание некоей оптимальной и жестко детерминированной насущными условиями модели, либо на возведение наиболее удобных для оппозиции возможностей властного статуса. То есть вопрос о конституции как схеме, выстроенной по «технологическим чертежам», преследующим прежде всего цели определения полномочий и

ответственности властей, заслоняет символическое начало основного закона страны. А это начало несет в себе очень важную идеологическую функцию - определение целей и приоритетов развития общества на основе четкого представления национальных интересов и их отражения в массовом сознании населения. Именно в этом основа стабильности конституции и в то же время база для ее дальнейшего совершенствования. Причем развитие конституционной доктрины должно быть делом национальной политической элиты, четко осознающей историческую ответственность в актуализации традиций страны и соизмерения их с инновациями в политической системе. Использование модных политологических категорий и концептов в модернизаторских импульсах не должно заслонять анализа собственно исторически сложившихся форм социальной самоорганизации и управления¹.

Для транзитологов анализ институциональных и социокультурных аспектов переходных политических режимов во многом предопределен также тем обстоятельством, что предполагается рассмотрение динамики политических процессов, выявление их характера и направленности. В данном случае уместно отметить существенную специфику политических изменений вообще. Эта специфика предполагает невозможность дать точный, конкретный слепок ситуации, в которой находится политический режим, политическая система – «политику нельзя сфотографировать»². Но вполне возможно выделить и наметить основные и наиболее проявляющиеся параметры изменений, т.е. те индикаторы, которые послужат отправными точками аналитических обобщений и выводов, зададут необходимый критериальный аппарат исследования, позволят составить более детальное описание возможных альтернатив развития.

Само по себе исследование политического процесса в рамках

¹ Гельман В.Д. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. – М., 1999. - С. 20.

² Гельман В.Д. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. – М., 1996. № 9. - С. 15.

транзитологической парадигмы, на наш взгляд, вполне правомерно и имеет массу реальных позитивных возможностей. Во-первых, можно представить ход политической жизни как постоянно изменяющееся социальное бытие идей, общественных групп, институтов, практик, не фиксируемое в категориях статики, ибо сам политический процесс - динамичное явление с множеством возможностей и направлений. Во-вторых, транзитологический подход сосредоточен на выделении и анализе факторов политических изменений. Здесь можно принимать или отвергать намечаемые многими исследователями параметры, но не вызывает сомнений сам подход, в данном случае институционализм и структурный функционализм в их новых интерпретациях (А.Этциони, Д.Норт и др.). В-третьих, именно транзитологическая парадигма исследования политических процессов становится основой рассмотрения нестабильных, неустойчивых, но в то же время остающихся сложноорганизованными систем в их наиболее трудный период развития - поиска оптимальной формы самоорганизации на основе переосмысления мирового опыта и актуализации своего историко-культурного потенциала. Таким образом, временные, темпоральные характеристики при исследовании многих важных аспектов политического процесса приобретают характер исторически определенного и привязанного к соответствующей социально-экономической среде духовно-культурного континуума. И, наконец, в-четвертых, транзитология стала серьезным научным направлением, которое увязывает глобальные мировые, долгосрочные тенденции развития (экономического, социально-политического, информационного плана) и локальные процессы. При этом появилась возможность не только рассмотрения общего процесса демократизации и его влияния на ситуацию в государствах «недемократических» или «переходных», но и определения факторов проявления тенденций к глобализации экономических отношений на данном уровне, усиления информационного воздействия ведущих держав мира как обладающих более мощным потенциалом средств массовых коммуникаций.

Трансформационные процессы в странах Центральной и Восточной Европы в 90-е годы как правило осмыслялись в терминах теории «переходного периода» или транзитологии, которая стала не только аналитической моделью, но и совокупностью практических рецептов для проведения социально-экономических и политических реформ. Мировоззренческой основой этой влиятельной концепции был образ восхождения от авторитаризма к демократии, в котором начало пути, представляло собой относительный минус, а завершение - плюс. Идея глобальной демократизации восходила к теории модернизации и, по сути, являлась ее творческим ответвлением, развивающим и детализирующим этот процесс в его идейно-политическом измерении. В частности, в рамках данной концепции анализировались трансформационные процессы в Белоруссии, России и Украине, начавшиеся во второй половине 80-х годов, и не завершённые до сих пор. Исходя из транзитологической теории, три восточнославянских государства к концу 90-х годов подошли к этапу консолидации демократии медленно, тяжело, но верно двигались к определенному социально-экономическому и политическому ориентиру западноевропейского или американского образца. При этом считалось, что это движение не только оправданно и естественно, но его цель принципиально достижима в обозримые исторические сроки.

Однако, с конца 90-х годов данная схема подверглась определённой критике. В связи с очевидным несоответствием теории и практики во многих странах, пошедших по пути демократических преобразований, встает вопрос о кризисе транзитологии как аналитической модели. Высказывается идея, что она более не в состоянии вбирать в себя всё многообразие «псевдодемократий», «полудемократий», «управляемых демократий», «делегированных демократий», «квази-демократий»¹. Оказывается, что за исключением полутора десятков стран Латинской Америки, Юго-Восточной

¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999. - С. 57.

Азии и Центральной Европы, в которых «переходный период» завершился относительно успешно, большинство государств тех же регионов и некоторых других, отнюдь не находятся на пути к демократии, даже с приставками «квази» или «псевдо». Напротив, имеет место поступательное и устойчивое движение в сторону от демократии в направлении новых авторитарных режимов в форме олигархических, семейных, клановых, этнонациональных и прочих диктатур. Никак не решаемые, а во многих странах усугубляющиеся проблемы бедности, голода, болезней, безработицы, неграмотности содействуют упрочению социально-экономических предпосылок для того, чтобы демократия, гражданское общество и правовое сознание не сформировались там никогда. Можно выделить два основных направления критики транзитологии. Первое - назовем его условно, академическое - представлено в работах Т. Кэрозэrsa и С. Коэна. Второе - идейное - носящее более широкий характер, чем критика собственно транзитологии как таковой, отражено в работах А.С. Панарина.

Основной тезис академического направления критики транзитологии состоит в том, что к концу 90-х годов XX века концепция глобального «переходного периода» или «третьей волны»¹, исчерпала свой аналитический потенциал и будучи использованной американским политологическим сообществом для анализа трансформаций в ЦВЕ, по сути представляла собой не анализ, а идеологию. В течение последнего десятилетия XX века желаемое выдавалось за действительное: в то время, как американские авторы писали о демократизации, а также социально-экономической и политической модернизации происходило обратное - перерождение и реанимация авторитарных режимов на новых началах, социальная поляризация и экономическая демодернизация. Причина того, что реальность игнорировалась, по мнению С. Коэна, состояла в политической ангажированности американских экспертов. США всемерно поддерживали и развивали миф о глобальной демократизации, т.к. он способствовал

¹ Дайамонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис, 1999. - № 1. - С. 11.

закреплению их гегемонии после окончания холодной войны. Теория транзитологии сыграла, таким образом, роль интеллектуального прикрытия для американской внешней политики. Т. Кэрролс высказывается по этому поводу более сдержанно, говоря лишь, что концепция, мобилизованная в конце 80-ых-начале 90-ых годов для осмысления событий в мире и обоснования американской политики «мировой демократической революции», устарела и требует пересмотра. Здесь хотелось бы выделить два принципиальных момента, уяснение которых дает представление об идеологии, стоящей за данным направлением критики транзитологии.

1. Оба автора абсолютно обоснованно критикуют современную реальность в «переходных» странах с точки зрения ее соответствия целям построения устойчивой демократии. Они не только отмечают отсутствие социального единства, гражданского общества, рыночной экономики, реально работающих правовых механизмов и т.д., но и последовательное ухудшение ситуации в этих сферах, что прямо противоречит образу восхождения от авторитаризма к демократии. Возникает термин - политическая «серая зона»¹, в которую попадает большинство стран, вставших на путь реформ, но не добившихся успеха (около 85 из 100). Само понятие «серая зона» принадлежит Т. Карролсу, который относит к ней Белоруссию, Россию и Украину. Таким образом, в терминах академического направления критики транзитологии восточнославянские государства по результатам эпохи трансформации 90-ых годов оказываются в «серой политической зоне», что, по мнению сторонников указанной концепции необходимо честно признать.

2. Само понятие «серая зона» является метафорой, отражающей наличие еще «черной» и «белой» зон, т.е. пространств устойчивого тоталитаризма и демократии. Переход из первого во второе, т.е. достижение стандартов западноевропейской или американской демократии, в принципе

¹ Казин Ф. Закат транзитологии или серая зона Европы? Восточно-славянский треугольник перед вызовом истории // Аналитика. 2000. - №2

возможен, не для всех. В этом важнейшее отличие позиции Т. Карозэрс от ортодоксальной доктрины транзитологии. Д.Коэн, со своей стороны, считает, что именно стремление модернизировать Россию по американской модели стало одной из причин провала проекта. Сказанное означает, что авторы, каждый по-своему, отрицают лишь всеобщность парадигмы, т.е. идею о том, что все страны способны трансформироваться по западной модели. Карозэрс полагает, что государства «серой зоны» навсегда в ней останутся (западный демократический эталон достижим не для всех), а Д. Коэн пишет, что выходом для России может быть отказ от трансформационной стратегии, навязанной России в начале 90-х годов американским эстаблишментом на основании идей Вашингтонского консенсуса (радикальный монетаризм отнюдь не единственный возможный путь трансформации). В то же время, оба автора фактически констатируют консервацию разделения мира на более и менее продвинутые регионы с точки зрения стандартов демократии.

Таким образом, попытки связать теоретическое осмысление происходящего в мире политического процесса с неким идеологическим обеспечением конкретных действий политиков неизбежно сталкиваются с проблемой корректности научного мышления вообще. Транзитологии в этом смысле и повезло, и не повезло одновременно. В качестве быстрой и достаточно активной формы освоения социально-политической действительности государств она стала общеупотребительной даже в российской политологии (например, понятие «переходность»). Но в то же время очевидны ограниченность и упрощенность этого понятия в плане фиксации лишь нестабильного и сложного процесса, требующего особого инструментария для анализа. Политическая наука, как и другие научные дисциплины, должна представить по возможности непротиворечивые и логичные объяснения, которые являются не истиной по определению, а лишь некоторыми попытками выстроить продуктивные модели.

Понятие политического процесса используется обычно в двух

отношениях, условно обозначаемых как его макро- и микроизмерения. В макроаспекте его определяют как ход развития, вообще воспроизводство политической системы под влиянием действующих на нее факторов, т.е. как ее универсальную динамическую характеристику. В микроаспекте под политическим процессом понимается некая равнодействующая акций различных социальных и политических субъектов, т.е. совокупность субпроцессов (см. схему 1).

Категорию политического процесса следует отличать от категории политического развития, хотя при этом обе они отражают некоторую комбинацию признаков устойчивости или изменчивости в политической сфере жизнедеятельности общества. При анализе политического процесса раскрываются в основном воспроизводство институтов и их функций, механизмы функционирования, адаптации, преемственности и сохранения политической системы. Таким образом, понятие политического процесса содержит и динамические, и статические характеристики. В свою очередь, категория политического развития используется главным образом для рассмотрения тех сторон общественной динамики, которые связаны с эволюционными реформами либо революционными переменами.

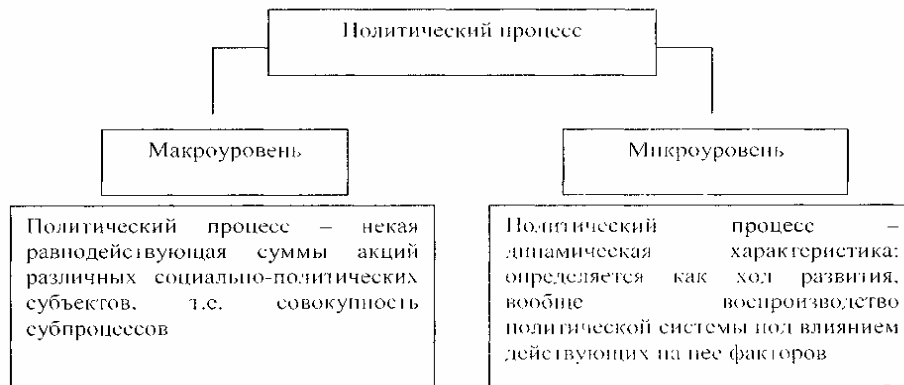
Еще в «Истории» в 40 книгах Полибий (II в. до н.э.) высказал идеи о целостном круговороте политической жизни, предполагающем закономерный переход государства в стадии становления, расцвета и упадка. Современный же этап эволюции концепций политического процесса открывается XX в. микротеориями, связанными с именами Артура Бентли, Вильфредо Парето. Именно концепция циркуляции (круговорот элит, разработанная в «Трактате по общей социологии» Парето дала основание Иозефу Шумпетеру назвать последнего основоположником современной «социологии политического процесса»¹. Парето берет в качестве базовых для своей теории понятия элиты (как субъекта и движущей силы политического процесса), которое противодействуют контрэлиты, а также народа, исполняющего по

¹ Категории политической науки. – М., 2002. - С. 322

преимуществу пассивную, а не активную роль.

Однако настоящую революцию в развитии теории политического процесса произвела книга Бентли «Процесс управления» (1908), в которой подробно была разработана концепция групп интересов, или «заинтересованных групп». Именно ему - одному из первых - принадлежала трактовка динамики политического процесса как борьбы и взаимного давления социальных групп в соперничестве за государственную власть.

Схема 1 Политический процесс: макро - и микроуровни

Начиная с Бентли, категория политического процесса рассматривается в двух основных аспектах: в неформальном, реальном и групповом, ибо группа интересов - «первичный» субъект, а также в производном, официально-институциональном виде, представляющем собой проекцию групповых интересов, в силу чего государственные институты выступают лишь как один из многих типов групп интересов. Бентли, например, понимал правительство как специфическую официальную группу - арбитра, регулирующую конфликты. Он ввел в научный оборот понятия артикуляции и идентификации групповых интересов в качестве изначальных для анализа любого политического процесса¹.

Преемником Бентли в разработке понимания политического процесса, исходя из концепции групп интересов стал Дэвид Трумэн выпустивший работу «Управленческий процесс» (1951). Так же, как и его предшественник,

¹ Категории политической науки. – М., 2002. - С. 325-326.

под политическим процессом Трумэн понимал борьбу социальных групп за власть и за контроль над распределением ресурсов. Однако он обстоятельнее рассматривал идею смены равновесия на дисбаланс в ходе самого процесса, а основным положением считал стабильность как устойчивый тип группового взаимодействия¹.

Существенной попыткой создать некую универсальную модель трактовки и исследования политического процесса явилась разрабатывавшаяся с начала 1950-х гг. теория функционирования политических систем Дэвида Истона. В своих размышлениях Истон исходил из общей теории систем и структурно-функционального анализа социальной жизни Толкотта Парсонса. В соответствии с этим подходом политический процесс выступает одновременно и как воспроизводство целостной структуры, и как цикличное функционирование политической системы во взаимодействии с социальной и внесоциальной средой. Такое взаимодействие включает влияние на процессы в политическом мире экономических, экологических, культурных и прочих факторов. Процессы функционирования конкретных государственных, партийных и других институтов рассматриваются в виде элементов политического процесса на уровне макросистемы. Считается, что в данном процессе политическая система поддерживает стабильность институтов, приспосабливается к деятельности групп интересов в целом и в отдельных своих составляющих, обеспечивая воспроизводство и сохранение свойственных ей оригинальных системных качеств. Если в модели политического процесса Бентли - Трумэна объектом давления низовых групп интересов выступают правительство и его официальные институты, то в концепции Истона макророль государства заменяется интегрирующими функциями политической системы. Кроме того, ученый разделил политические системы на два блока - внутренних (национальных) систем и международной (наднациональной) метасистемы, - что позволило ему наметить особые международные факторы внутривнутриполитических процессов.

¹ Категории политической науки. – М., 2002. - С. 328.

Системный подход в исследовании политического процесса в западной политологии основывается на идеях Парсонса, изложенных в книге «Социальная система» (1951), а также Истона - «Политическая система» (1953). В представлениях системной и функциональной концепций процесс делится на четыре фазы: 1) вход (англ, input) - воздействие социальной и внесоциальной среды на политическую систему в форме ее поддержки и выдвижения к ней требований; 2) конверсия (англ, conversion) преобразование требований в решения; 3) выход (англ, output) - реакция политической системы в виде решений и действий; 4) обратная связь (англ. feedback) - возврат к исходной точке равновесия)¹.

Габриэль Алмонд заложил основы динамической модели процесса как адаптации политической системы к изменяющимся условиям социальной среды. В своей схеме он попытался соединить деятельность отдельных групп с функционированием данной системы в целом. Для этого учёный выделил несколько блоков совместной деятельности субъектов соответствующих главным функциям и динамическим фазам политического процесса: 1) блок преобразования социальных потребностей, включающий артикуляцию, агрегирование (здесь - суммирование) индивидуальных и групповых интересов, разработку политического курса, реализацию решений и контроль за исполнением политико-правовых норм; 2) блок воздействия системы посредством совокупности акций по регулированию социальной жизни, распределению и освоению общественных ресурсов; 3) блок адаптации, приобщения индивидов и их групп к политической жизни путем политической социализации, рекрутирования и коммуникации. В этой модели процесса Алмонд переводит акценты со статического выживания и сохранения к динамической трансформации, а также к адаптации политической системы к качественным изменениям. Некоторые американские политологи использовали идеи Алмонда специально для описания политических

¹ Категории политической науки. – М., 2002. - С. 329.

процессов последней трети XX в. в странах Азии, Африки и Латинской Америки, что помогло не только обновлению самой теории развития, но и разработке так называемой политики модернизации.¹

Поведенческий, интеракционистский подходы связаны с интерпретацией внутренней структуры политического процесса с позиций субъект - объектных или субъект - субъектных отношений. Политический процесс выступает, таким образом, либо как равнодействующая действий всех его участников, либо как совокупность взаимодействий (интеракций), представляющих горизонтальные связи между ними. «Вертикальная схема» связей внутри процесса довольно подробно разработана в бихевиористской традиции (Гарольд Лассуэлл), а также в теории рационального выбора (Джеймс Коулман), где всякое политическое действие структурно разделяется на его элементы (субъекты и объекты), условия и результаты, мотивы и установки, наконец, цели и средства, используемые его акторами.

Интеракционистский вариант истолкования процесса, как правило, вписывается в рамки конфликтологической схемы, например, в работах Ральфа Дарендорфа и Льюиса.

Политические процессы в различных странах мира отличаются своеобразным характером, степенью динамики и направленностью. Нередки ситуации, когда один страновой микрополитический процесс включает в себя два и более разнонаправленных и неоднородных субпроцесса.

Политический процесс - сложное, многосоставное явление, природа которого определяется функционированием динамичных систем, отличающихся сходными (изоморфными) структурными свойствами. Структура макрополитического процесса рассматривается в трех аспектах. Во-первых, с точки зрения взаимодействия государства и гражданского общества, политической системы с ее социальной средой, государственного управления и политического участия. Во-вторых, с позиции более мелких компонентов, в частности деятельности социальных акторов и политических

¹ Категории политической науки. – М., 2002. – С. 330-331.

институтов, составляющей содержание целостного макропроцесса. В-третьих, структура процесса может быть описана в аспекте основных временных фаз и состояний его развития, обусловленных установлением соответствующего равновесия сил или же его нарушением. Главная составляющая политического процесса, особенно при демократическом режиме - сама активность людей, их политические действия, связанные с контролем над властью или давлением на нее. Из многочисленных акций (действий) и интеракций (взаимодействий) различных акторов складываются общий ход и результаты макропроцесса, который вбирает в себя ряд микропроцессов (или субпроцессов). Например, электоральный процесс состоит не только из процедуры голосования, когда граждане выбирают своих представителей, но и из кампаний отдельных партий, действий, обеспечивающих им равные состязательные условия, специальных общественно-политических, государственных органов (избирательных комиссий) и пр. Значит, при анализе политического процесса нужно учитывать и целостные макрорезультаты, и формирующие их микропроцессы¹.

В тоже время в политике действие действию рознь, равно как и влияние участвующих в ней субъектов неравнозначно: есть «тяжеловесы», но есть и «бойцы легчайшего веса». Каждому человеку или группе принадлежит какая-либо функция в политическом процессе, масса людей относительно пассивна. Лишь активное меньшинство, включающее элиты и лидеров, разного рода руководителей (вождей) обладает значительной силой, а роль их заметна для общества.

Для понимания активности отдельных политических акторов, формирующей целостный политический процесс, используются такие характеристики: 1) потенциал и статус; 2) вид, способ их действий.

Потенциал политических субъектов прежде всего зависит от их состава. Делятся они на индивидуальные и групповые, к примеру, независимые кандидаты и избирательные объединения, участвующие в

¹ Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. – М., 2001. - С. 14-15.

выборах. Эффективность деятельности субъекта зависит от объема его ресурсов материальных, информационных и прочности контроля над ними.

Следующий параметр изучения активности политических акторов связан с характеристикой используемых ими средств, форм и методов политической борьбы. Во-первых, это парламентские формы, связанные с работой органов представительной власти, которые отличаются от таких способов прямого, внепарламентского действия, как митинг. Во-вторых, виды политической активности граждан и их групп делятся на ненасильственные и насильственные (т.е. типы борьбы, предусматривающие открытое применение силы, - гражданская война, подавление демонстрации, забастовки), но чаще всего рассматривается набор способов действий, опирающихся на авторитет и убеждение (манипулирование общественным мнением, бюрократические методы регулирования и т.д.). В-третьих, эти разнообразные приемы включают официальные и неофициальные влияния акторов по поводу доступа к ресурсам и рычагам власти.

Третья характеристика политических субъектов обусловлена типами отношений между ними. Направленные друг на друга действия различных акторов формируют более или менее устойчивые отношения и связи между ними. Есть много вариантов политических взаимодействий, но самых главных среди них пять: конфронтация, нейтралитет, компромисс, союз (коалиция) и консенсус. В основе данного деления лежит принцип соотношения социальных интересов и политических позиций вступающих в контакт субъект¹.

При конфронтации полярность интересов и позиций иногда приводит политиков и представляемые ими объединения к открытому противоборству (в т.ч. вооруженному), как это случается в эпохи революций. Нейтральные же отношения на время как бы выключают субъекта из поля активных взаимодействий, политически маргинализируют его. (Это неустойчивое

¹ Шутов А.Ю. Политический процесс. – М., 1994. – С. 16-17.

состояние проявляется в моменты голосований в парламенте по ключевым вопросам, когда одна из фракций воздерживается от решения, не поддерживая ни одну из сторон.) При компромиссах (соглашениях) на первый план выходит поддержание стабильного статус-кво в отношениях между субъектами при условии взаимных уступок, однако при сохранении принципиальных расхождений. Союзы (коалиции) — значительно более тесные, даже дружественные формы политического общения, когда объективно существуют пересечение интересов и некоторое совпадение позиций. Наконец последнее звено шкалы взаимодействий — консенсус между акторами: в данном случае достигается согласие по всем ключевым позициям при почти полном совпадении в понимании каждым своих интересов. Порой такие отношения завершаются объединением ряда партий в одну организацию, как это было в некоторых странах с социал-демократами, социалистами и коммунистами.

В итоге все взаимодействия сливаются в единый поток политического процесса, всякое состояние которого, следует повторить, характеризуется конкретной расстановкой и соотношением социально-политических сил.

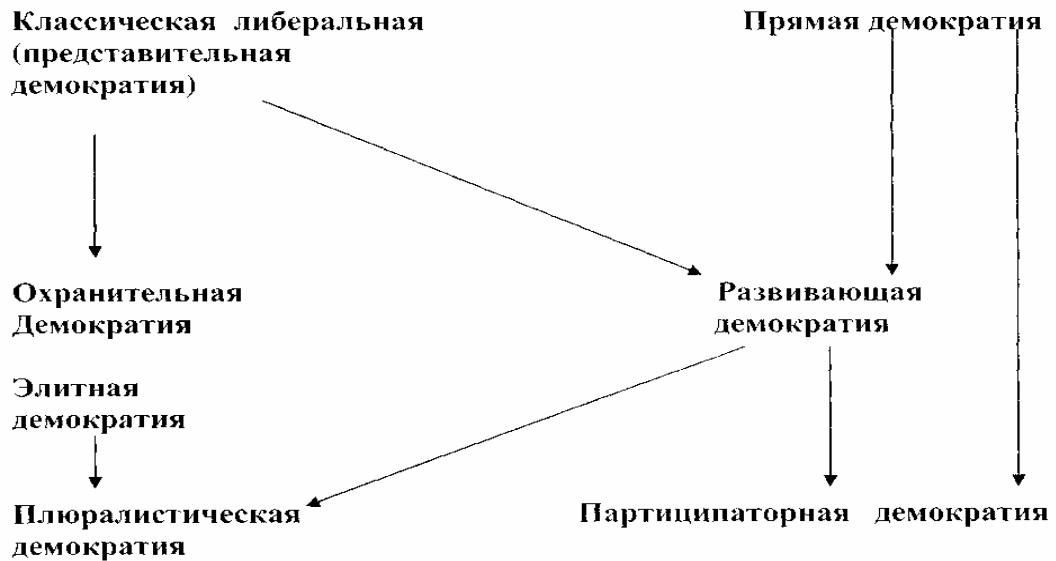
Понятия расстановки и соотношения сил дают возможность охарактеризовать позиционную и ресурсную стороны балансирования политических акторов в конкретной ситуации. Перегруппировка позиций указывает на переход к следующему состоянию политического процесса, сопряженными с новыми положениями и потенциалами акторов. Важнейшим условием установления равновесия сил выступает функционирование системы органов власти, т.е. собственно субпроцесс принятия и реализации решений органами власти. От того же зависят в целом весь институциональный механизм государственного управления и даже параметры политического режима страны.

Цель демократии - достижение предельного разнообразия (плюрализма), привлечение наибольшего количества людей к социальной жизни и распределению общественного продукта. Демократии не может быть без

согласия большинства с главными принципами устройства данного общества, но нет демократии и без конфликта интересов. Наконец, общие принципы демократии - конституционализм, легитимность, свободные выборы управителей, мажоритарность (правление большинства) и уважение оппозиции, конституционные гарантии индивидуальных прав и свобод. Существуют разные концепции демократии: либеральные, консервативные, популистские, коммунистические и анархистские, немалой популярностью пользуются плюралистические и элитарные концепции, идеи прямой и представительной демократии, модели охранительной, развивающей, партиципаторной демократии (или демократии прямого участия). К концу XX в. заметно снизилось внимание к идеологическим конструкциям вроде «демократии советов», пролетарской (буржуазной, мелкобуржуазной и т.н.) и «народной» демократии; напротив, возрос интерес к различным националистическим и «цивилизационным» версиям демократии. Рассмотрим основные современные модели демократии:

1) Классический либерализм рассматривает демократию не столько как порядок, позволяющий гражданам участвовать в политической жизни, сколько как механизм, защищающий их от произвола властей и незаконных действий других людей. Идея развивалась Томасом Гоббсом, который признавал, что суверенитет принадлежит гражданам, но они делегируют его избранным представителям, так как только сильное государство в состоянии защитить своих граждан. С ним позже согласился Джеймс Мэдисон, утверждавший, что цель демократического правительства - защитить общественное благо и личные права, Джон Локк и Шарль Луи Монтескье писали о необходимости конституционных ограничителей власти, выразившихся прежде всего в разделении полномочий законодательной, исполнительной и судебной властей. Монтескье считал, что «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга»¹

¹ Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. – М.: Юрайт – Издат. 2003. - С.95.

Схема 2¹*Модели демократии*

2) Над концепцией охранительной демократии много работали утилитаристы Иеремия Вентам и Джеймс Мштъ, которые тоже исходили из идеи защиты индивидуальных интересов с помощью обеспечения всеобщего права голоса. Согласие подчиняться выражается в процессе голосования на выборах. Это, в свою очередь, обеспечивает ответственность управителей перед избирателями, которая достигается через такие механизмы, как тайное голосование, регулярные выборы, конкуренция на выборах, правление большинства, дающие гражданам возможность выбирать себе власть имущих и контролировать ее решения. (См. схему 1)

Охранительная модель — это система конституционной демократии, действующей в рамках формальных и неформальных правил, ограничивающих власть государства. Такой подход гарантирует политические и гражданские свободы (слова, ассоциаций, голоса и т.д.), а также равенство всех перед законом. Однако политическое равенство понимается просто технически и означает только равное для каждого право голоса, что и защищает личную свободу, которая обеспечивается строгим

¹ Категории политической науки. – М., Московский государственный институт международных отношений (Университет). – М., 2002. – С.212.

разделением властей и сохранением основных прав. Охранительная демократия предоставляет гражданам солидные возможности для выбора их образа жизни при полной ответственности за свой выбор, что подразумевает невмешательство властей во многие сферы жизни общества и полное отделение государства от гражданского общества.

Теоретики данной модели считали, что демократия не может быть прямой, а должна работать через представительную ассамблею. Они стремились ограничить власть большинства, ибо видели слишком много недостатков в «чистой» (т.е. прямой) демократии.

«Чистая» демократия способна привести к «тирании большинства», при которой индивидуальные свободы и права меньшинства могут быть нарушены от имени народа. Гораздо позднее возможность большинства решить, что должен править тиран и как именно, Карл Поппер назвал «парадоксом мажоритарного правления»¹.

3) Подобные опасения разделяли и теоретики представительной «демократии» Мэдисон считал, что большинство слишком необразованно, чтобы управлять, чересчур подвержено влиянию демагогии популистов и непременно будет ущемлять интересы меньшинства, а «чистая» демократия может выродиться в правление толпы.

Теоретики классической либеральной теории демократии считали, что политическое участие нужно не только ради защиты индивидуальных интересов, а в первую очередь для саморазвития свободных информированных граждан, приверженных идеалам демократии, для их совершенствования. Так как вовлеченность граждан в политику (участие в работе отдельных ветвей власти, общественных дебатах и т.д.) важна для гармоничного развития потенциала каждого человека, государство должно предоставить ему личные права и свободы.

Эта модель в основном была разработана Руссо, для которого

¹ Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. – М., 2001. - С. 261-263.

демократия была средством достижения свободы индивидов или личной автономии. Но свобода означала подчинение общей воле. Руссо верил, что общая воля представляет собой истинную волю каждого гражданина, причем подчиняясь общей воле (а не правителям), человек тем самым покоряется своей подлинной природе, значит, остается таким же свободным, как Руссо писал, что раньше «одна только общая воля может управлять силами государства в соответствии с целью его установления, которая есть общее благо». Поэтому народный суверенитет неотчуждаем.¹

Руссо отрицал представительное народовластие в пользу прямого и выступал за использование ряда элементов классической афинской демократии. Его идеи в дальнейшем были восприняты партиципаторной теорией демократии.

Еще один сторонник развивающейся демократии - Джоан Стюарт Милль - полагал, что, участвуя в общественной жизни, граждане начинают лучше понимать политические процессы и достигают высокого уровня развития личности. Демократия для него была важна прежде всего своей образовательной ролью. Поэтому Милль призывал распространить политическое участие на всех грамотных граждан, включая женщин.

Марксистская модель демократии отличается от либеральных тем, что рассматривает парламентскую демократию всего лишь как форму буржуазной, или капиталистической, демократии. Марксисты полагали, что свободное развитие всех достигается путем развития каждого. Свободу же можно получить лишь после прекращения эксплуатации и установления полного политического и экономического равенства. Только оно способно обеспечить условия реализации потенциала человека по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Последователи Карла Маркса считали демократию идеалом социального равенства, полученного в результате общего владения собственностью. Они говорили о социальной, а не политической демократии. Маркс называл подлинной демократией

¹ Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. – М., 2003. - С. 103.

безгосударственный строй, достигнутый в результате революционного свержения капитализма. По его мнению, после исчезновения классовых антагонизмов наступит коммунистическое общество, а пролетарское государство отомрет впоследствии само собой, что объясняется отсутствием необходимости в государстве, политике, а, следовательно, и в демократии.

Сторонники концепции партиципаторной демократии возвращаются к классическим идеалам демократии, предполагающим активное участие граждан в обсуждении и принятии решений по главным вопросам общественной жизни. Они считают важнейшим условием демократического участия и его распространения социальное равенство: принцип участия должен относиться и к негосударственным общественным институтам, где люди прямо выражают свою волю, в первую очередь к трудовым коллективам. Тем самым эти ученые во многом следуют идеям развивающей демократии, трактуя ее как самоуправление граждан. Свобода, равное право на саморазвитие могут быть достигнуты только в партиципаторном обществе, которое совершенствует чувство политической эффективности и способствует проявлению заботы о коллективных требованиях. В таком обществе граждане хорошо информированы, заинтересованы в своей активной причастности к процессу управления.

Немаловажно и то, что с обычных для либеральных теоретиков позиций индивидуализма, опирающегося на собственность; политический процесс чаще всего рассматривается как жесткая борьба конкурентов за недостающие им материальные блага. Если же проанализировать эту проблему с точки зрения развития и реализации человеческих способностей, то справедливость распределения материальных благ - лишь средство для достижения (в сотрудничестве с другими людьми) более значимого блага позитивной свободы. Активная вовлеченность граждан в демократический процесс - одновременно и условие, и выражение этой свободы¹.

¹ Основы политологии. – М., 1992. – С. 209-210.

Таким образом, участие выполняет две функции — защищает граждан от навязанных сверху решений и является механизмом самосовершенствования человека. Ради максимально возможного результата демократия должна распространяться и на другие сферы, чтобы способствовать эволюции необходимых для современности психологических качеств и партиципаторной политической культуры, которая может сформироваться только по принципу — «учись участвовать, участвуя». Идеальное партиципаторное общество характеризуется прямым вовлечением граждан в управление без посредников, ключевыми политическими и социальными институтами, подотчетностью лидеров рядовым членам и высшей степенью демократической легитимности, посредством таких механизмов как референдум, инициатива и отзыв.

Приверженцы элитарной модели демократии делят общество на правящее меньшинство - элиту и невластвующее большинство - массу. «Масса» не интересуется политикой, не обладает необходимыми «знаниями» и полной информацией, не умеет принимать правильные решения, поэтому она добровольно передает элите право руководить политическим процессом. Политическое участие массы ограничено выборами вследствие того, что большинство граждан иррационально, некомпетентно и имеет неустойчивые предпочтения. К тому же рост гражданского участия ведет к подрыву стабильности и эффективности, достижение которых является едва ли не главной целью демократии.

Родоначальником элитарной концепции демократии считают Йозефа Шумпетера, который назвал ее «теорией соревнующихся лидеров».¹ Этот политический мыслитель подчеркивает важность принятия решений опытной и компетентной элитой при ограниченном контроле со стороны граждан. Демократия для Шумпетера - не цель, а всего лишь один из политических методов (наряду с авторитаризмом и тоталитаризмом, который предусмат-

¹ Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – С. 355.

ривает определенную институциональную организацию). Функция граждан заключается в выборе/отзыве правительства или в избрании посредников для этой цели. В соответствии с демократическим методом, к власти приходит партия, получившая наибольшую поддержку избирателей, отвечающая их «спросу». Выборы - лишь средство, которое заставляет элиту ощутить свою ответственность за политические решения. Демократию, стало быть, по Шумпетеру, можно определить как «институциональное устройство»¹ для принятия политических решений.

Таким образом, элитарная модель демократии снимает с обыкновенных граждан ответственность за принятие политических решений и возлагает ее на лидеров, имеющих больше информации и опыта в политических вопросах. Критики этой схемы считают, что она представляет собой слабую форму демократии, так как снижение роли граждан в демократическом процессе может привести к потере интереса к политике, появлению апатии и отчуждения. В зависимости от степени вмешательства правительства в дела гражданского общества можно говорить либо о «сильном государстве», способном взять на себя большую ответственность за благополучие граждан, либо о сильном гражданском обществе, где подобные функции осуществляют негосударственные органы. В плюралистической концепции политика рассматривается как конфликт групп интересов в поле их политической борьбы, где решения принимаются на основе компромисса ради удовлетворения максимального объема интересов. Такая демократия представляется не как власть народа, а как власть с согласия народа. Для плюралистов основное предназначение демократии - защита требований и прав меньшинств.²

Главная характеристика модели плюралистической демократии - соревнование между партиями во время выборов и возможность групп интересов (или давления) свободно выражать свои взгляды - устанавливает

¹ Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – С. 359.

² Категории политической науки. – М., 2002. – С.227-230.

надежную связь между управляющими и управляемыми. Несмотря на известную удаленность данной системы властвования от идеала народного самоуправления, ее сторонники полагают, что она обеспечивает достаточный уровень ответственности для того, чтобы именоваться демократичной. Плюралисты считают, что гражданам не обязательно выражать свое мнение - за них это сделают группы интересов, причем намного эффективнее, а нужное представительство будет достигнуто даже без активности граждан. В этой модели граждане как бы дважды представлены выборными лицами и лидерами групп и организаций, отстаивающих гражданские интересы. Политики же непременно будут ответственными, ибо они стремятся удовлетворить требования групп интересов в надежде на получение еще большей поддержки электората.

В наше время понятие демократии расширилось и стало включать не только нормативные определения как системы политического правления и ее характеристики (от всенародности до форм участия граждан в самоуправлении), но также мировоззренческие подходы к отношениям между людьми, этические, философские и иные основания человеческого существования в условиях современности. Вместе с тем, идеалы демократии остались фактически такими же, как в IV в. до н.э., за исключением одного - сейчас гораздо больше ценится отдельная личность, ее мнение и интересы, политическая активность.

Подобный подход, во многом опирающийся на ценностное отношение к человеку, побудил современных политологов отличать демократию в широком, даже идеальном смысле от ее собственно политического, преимущественно институционального базиса. В последнем случае сторонники эмпирической демократической теории рассматривают обширнейший набор факторов, способствующих установлению более стабильных форм демократического правления на всей планете. Правда, в последнее время ученые опять все чаще признают, что демократия - это понятие, которое и в современности, несмотря на массу исследований,

решительно не поддается четкому научному определению. Вместе с тем, одна из самых популярных в мировой политологии дефиниций современной демократии - полиархия. Это не система власти, которая воплощает в себе демократические идеалы во всей их полноте, но правление, в достаточной степени приближающееся к таким идеалам.

Наиболее последовательно различение идеалов и институционального оформления демократии проводит Роберт Даль, которого с общего согласия политологи именуют патриархом исследований плюралистических моделей. Он предложил использовать для обозначения институциональных решений фактически реконструированное им понятие полиархии (англ, poliarchy) и разработал термин «полиархическая демократия»¹.

В плюралистических демократиях консолидация выступает как естественное средство сохранения мира. Он имманентен демократии, поскольку здесь сформировались политические институты, посредством которых возможно публичное согласование интересов и соответствующее общественное мнение, ориентированное на мирное разрешение конфликтов. В целом можно говорить о созидательном, конструктивном характере компромиссов, которые представляют собой эффективное средство разрешения реальных противоречий в ситуациях, когда силовой подход становится абсолютно неприемлемым.

В современном мире, в России необходимость компромиссов очевидна, их роль постоянно возрастает. Однако нельзя сказать, что они скоро вытеснят насильственные методы урегулирования конфликтов. Тем не менее данный метод разрешения конфликтов должен быть в арсенале каждого здравомыслящего политика.

Компромисс, консенсус - это два взаимосвязанных, взаимозависимых явления, два важнейших механизма регулирования отношений между людьми. И компромисс, и консенсус представляют собой особую ментальность, определенный взгляд на себя и других в процессе совместной

¹ Даль Р.А. Введение в теорию демократии. – М.: Наука и СП «Квадрат», 1992. – С. 71.

жизни и деятельности. Консенсус — это наличие между индивидами единства взглядов и сходных ориентации, это согласие значимого большинства людей любого сообщества относительно наиболее важных аспектов его социального порядка, выраженного в действиях.¹ Под наиболее важными аспектами общественного порядка понимается определенная система ценностей и норм, объединяющих конкретное общество и гарантирующих его стабильность.

В политической практике принято различать:

а) консенсус в узком смысле как способ разрешения конфликтных споров и конфликтов;

б) консенсус в широком, общеполитическом смысле, который можно назвать гражданским согласием.

Под политическим консенсусом в широком смысле следует понимать определенную степень гражданского согласия в отношении основных ценностей общества, проблем развития страны и политико-правового устройства государства, которое проявляется в их всеобщем признании, в значительной поддержке со стороны масс проводимой политики и отсутствием ее активного неприятия.² Сформировавшееся на уровне глобального сообщества гражданское согласие отражает тот факт, что общество разделяет одинаковые ценностные представления и цели. В данном случае можно говорить об основном ценностном консенсусе, в существенной степени обеспечивающем стабильность этого общества.

Немецкий политолог Хеттих отмечает, что консенсус можно рассматривать как общественное признание способов и средств политического правления и интеграции. Распространенные в обществе представления о правомерности политического господства имеют важнейшее значение для стабильности существующей политической системы. Поэтому, считает он, чем выше в обществе уровень согласия, отраженный в

¹ Вершинин М.С., Хренов А.Е. Записная книжка политолога (краткий словарь-справочник). – М., 1992. – С. 19.

² Чуланов Ю.Г. Политология. – СПб, 2001. – С. 314-315.

легитимизирующей идее, тем более стабильна политическая система¹.

По его мнению, которое мы разделяем, основная функция консенсуса как раз состоит в том, что благодаря ему достигается необходимая стабильность общества. Чем больше консенсуса в обществе, тем сильнее действует тенденция к его стабилизации. Чем меньше консенсуса, тем больше вероятность дестабилизации. Поэтому исторически консенсус может быть оценен как один из факторов сохранения и нормального функционирования государства, политической системы в целом.

Выделяют также консенсус на уровне политического режима. Объектом возможного соглашения и возможного разделения здесь становятся правила игры или процедуры. Этот уровень консенсуса устанавливает определенные правила игры, отраженные в конституциях. В нормах Основного закона регламентируются процедуры, посредством которых регулируется применение власти. Одно из правил определяет порядок урегулирования конфликтов. Отказ следовать правилу ведет лишь к тому, что какое-либо политическое сообщество будет конфликтовать по любому поводу, а это чревато опасностью острого столкновения, гражданской войны.

В демократических режимах правилом разрешения конфликтов выступает мажоритарный принцип (правило большинства), поэтому процедурный консенсус, и особенно консенсус в отношении правил разрешения конфликтов через принцип большинства, выступает важной предпосылкой функционирования демократии.

И последний уровень - консенсус на уровне политики. Объектом возможного соглашения и возможного разделения здесь выступают конкретные правительства и правительственная политика. Речь идет о том, что оппозиция, несогласие по проблемам политики связаны не с формой правления, а с членами правительства, его политикой. Основным методом

¹ Хеттих М. Основные понятия политической науки // Зарубежная политическая наука: история и современность. Вып. 1. – М., 1990. - С. 147.

здесь становится управление посредством дискуссии. Диалог с оппозицией, дискуссия обеспечивают столь необходимый консенсус на данном уровне¹.

Одни общества более консенсусны, чем другие. Приблизительную оценку степени консенсуса в конкретном демократическом обществе на основании трех параметров дают Элдер Н., Томас А., Аптер Д.

1. Консенсусная демократия — это либерально-демократическое государство, которое характеризуется низким уровнем противодействия существующей внутри государства системе правил и механизмов разрешения политических конфликтов. Выделяются три определяющих фактора в этом процессе. В качестве одного из них можно рассматривать степень влияния антисистемных партий. Другим фактором выступает наличие в обществе маргинальных групп и степень их готовности прибегнуть к насилию. Немаловажное значение приобретает степень поддержки со стороны народа, выраженной в выборах, референдумах. Таким образом, первый параметр связан с легитимностью существующего строя.

2. Степень консенсуса связана с природой политических конфликтов, возникающих в рамках установленных правил и механизмов. Здесь консенсусная демократия — это либерально-демократическое государство, которое характеризуется низким уровнем конфликта относительно осуществления власти в государстве в данный момент. Речь идет здесь о характере и интенсивности политических расхождений по определенным вопросам.

3. Степень консенсуса связана с подходом к разрешению политических конфликтов. Консенсусная демократия — это либерально-демократическое государство, которое характеризуется высокой степенью концентрации в проведении государственной политики (создание коалиционных

¹ Сартори Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. — М., 1992. — С. 123.

правительств, парламентских коалиций, заключение добровольных трудовых соглашений и т. д.¹

Характерной чертой демократического общества является политический плюрализм. Это выражается в наличии различных, зачастую противоположных и конфликтующих, политических, экономических, социальных, нравственных, религиозных идей, ценностей, интересов, предпочтений, доктрин, которые присущи определенным социальным или иным группам. Имманентно присущ демократии и консенсус. Каким же образом они сочетаются в политической жизни общества?

Основанием для этого служит наличие в обществе определенных всеобъемлющих ценностей и идей, которые одобряются и поддерживаются группами с различными социально-экономическими интересами, представителями различных политических, религиозных, нравственных взглядов. Если правящие круги воплощают в жизнь данные ценности и идеи, то это, несомненно, способствует упрочению общества. В качестве таких объединяющих базовых ценностей могут быть:

- 1) права и свободы граждан;
- 2) национальные;
- 3) религиозные.

Несомненно, только права и свободы индивида могут рассматриваться как всеобъемлющая базовая основа, которая и характеризует консенсус демократического общества. Однако признание обеспечения прав и свобод основополагающим принципом данной политической формы правления предусматривает достижение обществом достаточно развитой политической культуры.

Национальные и религиозные ценности сами по себе не являются всеобъемлющими, поскольку отсекают от сферы консенсуса какую-то часть населения. В многонациональных же государствах, как Россия, они могут

¹ Элдер Н., Томас А., Аптер Д. Условия достижения консенсуса//Политология вчера и сегодня. Вып. 2. 1990. - С. 154-157.

способствовать даже не объединению, упрочению сообщества, а его подрыву, разрушению. Упор на национальные, религиозные ценности способствует не только распаду государства, но и усилению конфронтации внутри отдельных районов¹.

При этом для России, по сравнению со странами Запада, права и свободы личности также не могут стать всеобъемлющей базовой основой консенсуса. И, связано это с тем, что массовым сознанием они не воспринимаются как доминирующие ценности. В сегодняшней России нет консенсуса по базовым ценностям. Прежние, разрушены и дискредитированы, а новые не сформировались и не укрепились в массовом сознании. С большими трудностями идет осознание необходимости процедурного консенсуса, управления через дискуссию. Правящие верхи не особенно склонны к диалогу, дискуссии с оппозицией, а та, в свою очередь, не проявляет лояльности к правительству.

При отсутствии базовых основ для консенсуса в России была предпринята попытка достижения согласия на уровне взаимоотношений правящих верхов с политическими партиями, движениями, объединениями, ассоциациями. Такой попыткой достижения консенсуса в обществе стало подписание в 1994 году упомянутыми выше политическими силами Договора об общественном согласии. Но поскольку не все партии (в первую очередь коммунистические) подписали договор, а другие позднее отозвали свои подписи, можно говорить об относительности такого консенсуса.

Теперь рассмотрим консенсус в узком смысле как способ политического разрешения конкретных споров и конфликтов. Прежде всего отметим, что надо видеть два основополагающих принципа консенсуса.

1. Поддержка любого решения большинством участвующих в его принятии.

2. Отсутствие возражений против принятия решений со стороны хотя

¹ Варламова Н.В., Пахоленко Н.Б. Общественный консенсус: подходы к проблеме // Государство и право, 1992. № 9. - С. 5.

бы одного из участников.

Консенсус нельзя рассматривать как единогласие, поскольку полного совпадения позиций всех участников процесса принятия решения в данном случае не требуется. Здесь предполагается отсутствие только прямых возражений, но допускается нейтральная позиция (воздержание от голосования). Вместе с тем консенсус - это не решение большинства, поскольку он не совместим с отрицательной позицией хотя бы одного из участников принятия решения¹.

Консенсус при разрешении конкретных конфликтных ситуаций выступает как альтернатива насилию, принуждению в разрешении конфликтов. В демократическом обществе только путем достижения общего согласия противоположных, враждующих сторон можно урегулировать политические конфликты. Речь идет о том, что при решении любого вопроса необходимо выявление, учет, рассмотрение и обсуждение всех существующих мнений. Принятое всеми сторонами без возражений конкретное предложение принимает консенсусный характер. Его эффективность в том, что договаривающиеся стороны все свои силы направляют на выполнение общего решения, а не на борьбу с противоположной стороной.

Причем существующая система голосования при решении любого вопроса за и против в данном случае не срабатывает, поскольку делит политических противников на большинство и меньшинство и игнорирует мнение последних. При такой системе голосования интересы тех, кто остался в меньшинстве, уже не учитываются и им по сути принудительно навязывается отвергнутое ими решение. А суть консенсуса в нахождении согласия всех сторон.

Поэтому при консенсусном решении конфликтного вопроса хотя и используется также голосование, но применяется метод предпочтений. При

¹ Варламова Н.В., Пахоленко Н.Б. Общественный консенсус: подходы к проблеме // Государство и право, 1992. № 9. - С. 4.

консенсусном голосовании (хотя предложение может быть принятым и без голосования) по поступившим предложениям или кандидатурам осуществляется проставление предпочтений от первого до последнего. Получившие высокий уровень консенсуса несколько предложений могут быть сведены в одно окончательное решение. Следовательно, уровень консенсуса отражает определенное согласованное, общее мнение¹.

В западных странах метод консенсуса признан основой плюралистической демократии. По-иному обстоит дело в нашей стране. В течение десятилетий абсолютизировались силовые, принудительные методы разрешения конфликтов. В сознании людей культивировалась дихотомия враг - не враг, или - или. Насилие рассматривалось как повивальная бабка исторического процесса. У советских людей сформировалась конфронтационная ментальность. Движение нашего общества к демократии неизбежно должно преодолевать старое мышление. И в этом смысле компромисс и консенсус, формирование нового менталитета являются единственно возможным путем движения России к современной цивилизации.

1.2. Консолидация демократии как условие демократизации общества

Изменения в общественном развитии сделали проблему консолидации необходимым условием регулирования общечеловеческих отношений. Эти изменения обуславливают тенденцию консолидации стать политической необходимостью. Отсюда то внимание, которое сейчас обращается на консолидацию демократии.

В кратком словаре политического языка Бакеркиной В.В., Шестаковой Л.А. консолидация - это в переводе с латинского языка означает «укреплять, сплачивать»², т.е. в первом значении как консолидация всех политических

¹ Базилева И., Элирсон П. Консенсус // Новый мир. 1990. № 3. - С. 224-225.

² Бакеркина В.В. Краткий словарь политического языка. – М.: Изд-во АСТ», 2002. – С. 128.

сил.

Понятие «консолидация демократии» приобрело значение категориального термина в сравнительной политологии, начиная с работы, опубликованной в 1986 году Г. О' Доннеллом и Ф. Шмиттером «Переход от авторитарного правления». В ней представлен по преимуществу транзитологический подход к теме консолидации демократии. Ф. Шмиттер ввел понятие «консолидологии» как некоего самостоятельного направления в политических науках. Некоторые исследователи считают, что консолидология обещает быть полноценной, многоплановой теоретической дисциплиной с большими практическими выходами в сферу политики. Материалом для консолидологии может послужить изучение и стимулирование прогрессирующей динамической стабилизации политических систем, гарантирующая ее жизнеспособность и долговечность.

С. Хантингтон определяет «консолидацию демократии» как наблюдаемую в глобальной «волне» демократизации тенденцию, аналитически противопоставляемую тенденции количественного роста группы формально демократических государств (экспансия демократии), состоящую в «усилении демократических институтов и демократической практики в каждой из стран, а также в укреплении межгосударственных связей в сообществе демократических наций».¹ Он считает, что на повестке дня сегодня стоит не экспансия, а консолидация демократии.

Также «консолидацию демократии можно определить как совокупность социально-экономических, политических и др. процессов, ведущих к становлению в стране консолидированной демократии, т.е. таких политических условий, в которых демократические принципы признаны основными в сфере политики, и демократические перемены являются необратимыми»².

Американские политологи Линц и Степан определяют консолидированную демократию как политический режим, при котором соблюдаются

¹ Категории политической науки. – М.: «РОССПЭН», 2002. – С. 254.

² Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol.7. №3, p.34

следующие условия: 1) не существует сколько-нибудь влиятельных, распоряжающихся значительными ресурсами акторов, представленных этническими, социальными, экономическими, политическими и др. группами, которые добиваются своих целей путем создания недемократического режима, применение насилия или отделения от государства; 2) устойчивое большинство граждан убеждены, что демократические процедуры и институты - самые оптимальные средства организации политической жизни общества; соответственно, доля выступающих против демократического порядка невелика и невлиятельна; 3) государственные и негосударственные акторы согласны разрешать любые возникающие конфликты на основании закона или в рамках сложившихся демократических политических институтов и в соответствии с установленными процедурами.¹

Концептуально консолидация демократии может быть представлена несколькими подходами. Все исследователи сходны в том, что консолидация демократии есть необходимый этап ее становления, этап длительный и противоречивый. Нельзя четко определить начало консолидации, т.к. процесс перехода уже включает некоторые ее элементы. Ларри Дайамонд говорит о тесной связи между углублением демократии и ее консолидацией. «Демократическая консолидация, - пишет он, - поощряется множеством перемен в институтах, политике и поведении. Многие из них прямо улучшают управление через усиление компетенции государства; через либерализацию и рационализацию экономических структур; через социальную безопасность и политический порядок вместе с обеспечением основных свобод; через совершенствование горизонтальной подотчетности и господство права; через контроль над коррупцией...»²

Первые исследователи консолидации демократии О' Доннелл, Ф. Шмиттер проводили различие между переходом к демократии и ее консо-

¹ Категории политической науки. – М., 2002. - С. 255.

² Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol.7. №3, p.34

лидацией. О' Доннелл и Ф. Шмиттер считают, что сам процесс консолидации демократии включает в себя четыре направления: 1) быстрое ограничение, сведение к минимуму или связывание ее идеологических и институциональных соответствий; 2) установление ее автономии перед лицом старых властей, особенно армейских сил; 3) мобилизация гражданского общества в политических формах его выражения; 4) развитие относительно стабильной партийной системы, способной обеспечивать формирование ответственного перед народом правительства¹.

Более поздние исследования позволили дополнить и конкретизировать многое из анализа середины 80-х. Во-первых, оказалось, что процесс консолидации демократии предполагает не только институционализацию новых форм и структур, но и связан с использованием элементов традиционной культуры и даже менее радикальным отношением к предшествующему авторитарному режиму. Во-вторых, консолидация демократии невозможна без соответствующей реформы административных государственных структур. В-третьих, кон консолидация демократии необязательно следует одной - либеральной - модели, но может осуществляться на основе своеобразного сочетания разнообразных форм и моделей. В-четвертых, хотя партийная система и является ключевым элементом демократии, но ее консолидация предполагает некоторый резерв для динамичного процесса выражения интересов посредством разнообразных движений, корпоратизма, местного самоуправления и т.д. В-пятых, консолидация демократии имеет международные параметры, не только связанные с оказываемой новым демократиям помощью, но и включением демократизирующихся стран как равных партнеров в международные общества.

Консолидация не означает колебаний или отступлений. Она означает усиление демократических институтов и демократической практики в каждой

¹ O' Donnell G. Schmitter Ph, and White – head L. (eds). Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. Baltimore: The Johns Hop – Kins University, 1986, p. 73, 89.

из стран, а также укрепление межгосударственных связей в сообществе демократических наций.

Для установления стабильного и легитимного демократического режима в обществе, пережившем диктатуру, большое значение имеет то, как пройдет период консолидации, то есть адаптации общества к новому политическому механизму.

В исследовании консолидации демократии выделяются несколько подходов: структурный, транзитологический, институциональный. Структурный подход акцентирует внимание на внешних условиях, определяющих процесс демократизации. Транзитологический подход связан с теорией выбора действующими в политике акторами демократических форм политической жизни. Институциональный подход выделяет роль различных институционализированных режимов в ходе укрепления демократии.

По мнению Л. Даймонда «консолидация есть процесс достижения такой широкой и глубокой легитимизации, при которой все политические акторы - как на уровне элит, так и масс - верят, что демократический режим является лучшим для их общества, чем любая иная реалистическая альтернатива, которую они могут себе вообразить»¹.

Различие между процессом перехода к демократии и ее консолидацией приводит к необходимости определять некоторый набор необходимых и достаточных условий, при которых последний процесс может начаться Х. Линц и А. Степан выделяют три таких условия. Во-первых, при современной политической организации общества свободные и признанные выборы не могут осуществляться, граждане не могут эффективно осуществлять свои права, защищенные господством закона, если не существует государства. Во-вторых, демократия не может стать консолидированной, если демократический переход не завершен. В-третьих, ни один режим не может быть назван демократическим до тех пор, пока его правители не правят

¹ Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol.7. №3, p.36

демократично¹.

Условиями консолидированной демократии могут стать лишь гражданское общество, относительно автономное политическое общество, подчинение государства и основных политических акторов господству права, защита индивидуальных свобод и социальной жизни, институционализированное экономическое государственное управление.

Джин А. Коэн, Эндрю Арато в своей работе «Гражданское общество и политическая теория» рассматривают варианты переходов от бюрократическо-авторитарных систем и выделяют такие процессы как инициация, консолидация и завершение.²

Одним из тех, кто обратил внимание на плюралистическую природу режима консолидирующейся демократии, был Ф. Шмиттер. Для него «консолидация могла бы быть определена как процесс трансформации случайных договоренностей, благоразумных норм и зависящих от обстоятельств решений, которые появились во время перехода, в отношении сотрудничества и конкуренции, которые известны как надежные, регулярно практикуются и добровольно принимаются личностями и коллективами (т.е. партиями и гражданами) участвующими в демократическом управлении»³. Ключевой дилеммой консолидации он считает вопрос о том наборе институтов, с которыми политики могут согласиться, а граждане пожелают поддержать. Необходимо согласие относительно некоторого набора правил, с использованием которых разрешились бы возникающие конфликты. В этом отношении в основе консолидированной демократии лежит компромисс. Шмиттер считает, что современная демократия концептуализируется не как «режим», а как компромисс «частных режимов»⁴, каждый из которых институ-

¹ Linz J., Stepan A. Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. - № 2, p. 14-15.

² Д. Коэн Э. Арато. Гражданское общество и политическая теория. - М., 2003. - С. 83.

³ Schmitter Ph. Interest Systems and the Consolidation of Democracies // Newbury Park, London. New Delhi: Sadie Publications, 1992, p. 158.

⁴ Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol.7. №3, p.37

ционализируется вокруг некоторых пространств репрезентации социальных групп и разрешения их насущных конфликтов.

Консолидация демократии это так же перемены в системе административно-государственного управления. Л. Даймонд говорит о необходимости эффективного руководства в качестве признака консолидации демократии¹.

Организационная эффективность государственного управления так же является важным параметром концепции эффективного государства. В аспекте консолидации демократии организационная эффективность достигается распространением принципа выборности на должностных лиц исполнительной власти, развитием системы местного самоуправления, повышением легитимности органов государственного управления, демократическим характером принятия управленческих решений, развитием связей органов управления с общественностью и другими условиями и процессами. Становление консолидированной демократии предполагает эффективное государство, сочетающее в своей деятельности экономическую эффективность, социальную справедливость и организационную активность и продуктивность.

Ф. Шмиттер определяет суть процесса консолидации как выбор, ведущий к формированию свода правил политической игры, в лучшем случае являющихся результатом договоренностей на основе взаимного согласия. Эти правила и нормы в итоге закрепляются в Конституции. Таким образом, Ф. Шмиттер не разделяет между собой периоды процесса транзита и консолидации демократии. И считает, что при определенных обстоятельствах силы, инициировавшие весь транзитный процесс, оказываются в состоянии контролировать последующее развитие, включая стадию консолидации. Из всех типов демократического перехода - либерализации, пактирования, реформирования, революции - по мнению Ф. Шмиттера самым

¹ Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol.7. №3, p.33

благоприятным является второй «пактированный»¹ (договорной) переход.

По мнению российского ученого профессора А.Ю. Мельвиля консолидация фактически означает создание условий, когда выживают только демократические структуры, то есть «определенность процедур» ведет к значительному ограничению «неопределенности результатов» или практически исключает возможность «недемократических результатов»².

М.М. Лебедева считает, что проблема формирования «культуры согласия»³ крайне сложна, так как основания «культуры согласия» складывается с помощью совместно разрабатываемых и принимаемых решений. А это, в свою очередь, служит поводом для дальнейшей консолидации.

А.И. Соловьев рассматривает поведение политических элит в переходный период и отмечает, что внутренняя реструктуризация элиты, по началу вызывающая деление на реформаторов и консерваторов, впоследствии совершает как бы движение в обратном направлении, способствуя - путем компромиссов - известной интеграции верхов, а следовательно, и достижению политического согласия относительно целей и средств общественного развития. В общем именно такая логика и приводила к заключению меж- и внутриэлитарных союзов, которые позволили многим странам последовательно перейти к фазе консолидации, обеспечивая тем самым необратимость демократических перемен.

А.П. Давыдов выделяет, что именно консолидация общества является залогом того, что в правящих кругах возникает, при целенаправленных усилиях, ситуация сплочения политических сил. И тогда вопрос либеральных реформ превращается в вопрос правильных политических действий, выверенных программ и грамотных политических рецептов⁴.

¹ Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов. Круглый стол // Полис, 1999, № 3. - С. 5

² Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов. Круглый стол // Полис, 1999, № 3. - С. 7

³ Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов. Круглый стол // Полис, 1999, № 3. - С. 7

⁴ Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов. Круглый стол // Полис, 1999, № 3. - С. 15

Консолидацию демократии можно определить как процесс, когда эпизодические соглашения, половинчатые нормы и случайные решения периода перехода от авторитаризма трансформируются в отношения сотрудничества и конкуренции, прочно усвоенные, постоянно действующие и добровольно принимаемые теми лицами и коллективами, которые участвуют в демократическом управлении. При консолидации демократического режима происходит институционализация неопределенности некоторых ролей и областей политической жизни, но одновременно граждане получают уверенность, что борьба за государственные посты будет честной и не выйдет за пределы предсказуемого набора вариантов.

В краткосрочном плане консолидация демократии зависит от способности политиков и граждан найти пути разрешения существующих между ними внутренних конфликтов по поводу норм; в плане долгосрочном - она зависит от внешнего воздействия, которое основанный на избранных нормах политический курс будет оказывать на различные группы общества, подающего надежды стать гражданским. Гражданское общество содействует консолидации демократии.

Функциональность ограниченной демократии первой волны заключается в охранительной и воспитывающей роли государства. В его рамках складывается разветвленная система специализированных институтов, включающая уже не только административные органы, но и многочисленные службы.

В целом характер государственности и общих тенденций в ее развитии в п.п.ХХ столетия можно охарактеризовать как вполне отчетливую генерализацию и интернационализацию современной (модернизированной) государственности Запада в форме создания сильных государств-опекунов, патронирующих слабые массовидные сферы внегосударственной публичности или гражданских обществ, что характерно для большинства достаточно модернизированных наций¹.

¹ Ильин М.В. Политическое самоопределение России // Pro et contra, № 3, 1999.- С.27

Во внешнеполитическом плане приметой данной фазы развития становится вильсоновский идеализм и стремление создать демократический международный порядок, например, в виде Лиги Наций. В результате модель опекуна распространилась и на международные отношения. Возникает институт мандатного управления. Новые государства - особенно в Центральной и Восточной Европе - получают гарантии существования. Без подобных гарантий они были бы нежизнеспособны.

В межвоенный период впервые возникает проблема мирового гражданского общества, которое могло бы определиться относительно консолидированной мировой системы суверенных государств. На практике, однако, в отношении представляемой Лигой Наций системы международного права и легитимного принуждения более или менее выявляется лишь весьма рыхлый конгломерат национальных гражданских обществ Евроатлантики, в котором еще нет ни особых транснациональных институтов, ни достаточно развитого международного частного права.

На данном этапе резко проявляются дисфункции новых моделей большого опекунского государства. Оно становится слишком сильным и опасным. Это особенно отчетливо проявляется в условиях форсированной модернизации, результатом чего нередко становятся антимодернизационные срывы и появление тоталитарных систем.

Германская и итальянская модели супербольшого (тотального) государства доводили логику опекуна до крайности, а тем самым выворачивали ее наизнанку. Так возникает тоталитарный комплекс «движения-государства»¹.

Советская модель использовала кажущуюся прямо противоположной - идеологически и концептуально - марксистскую логику «отмирания государства». Однако и здесь место опекуна не осталось пустым. Его заняла система «диктатуры пролетариата». Это - иное название и иная концептуализация все

¹ Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М., 2003. – С. 205-206.

тех же механизмов всеобъемлющей системы опекунов и контроля. Все эксперименты подобного рода оказались так или иначе сопряжены с попытками снятия различий между государством и гражданским обществом, с усилиями по замене их идеальными конструкциями полного («тотального») единства соответствующих политий.

Одновременно выявляется и другой род дисфункций. В рамках «перезревших» колониальных империй практически повсеместно начинается насаждение модернизованных систем политического управления, прежде всего колониальных администраций и претендующих на рациональность бюрократий. В большинстве случаев такое насаждение выливалось в чисто имитационную модернизацию. Создаваемые в результате институты-симулякры не обладали достаточной жизнеспособностью и либо отторгались политиями-реципиентами, либо мутировали и начинали функционировать в несовременном режиме, воспроизводя привычные образцы трайбалистского, феодального или имперского контроля.

Дисфункции модернизации, чрезмерное увеличение государственных структур и функций в сочетании с наличием ряда крайне малых государственных образований вызвали глубокий системный кризис. Его обострение послужило одной из главных причин Второй мировой войны, которая стала завершением и одновременно болезненным спадом рассматриваемой фазы политического развития.

Второй комплекс перемен (середина XX века) сопряжен с реконсолидацией Запада (прежде всего с ликвидацией основных тоталитарных сбоев и со второй волной демократизации), с деколонизацией и возникновением биполярной системы.

Реконсолидация Запада связана со второй волной демократизации, которая с конца 40-х до середины 60-х годов почти удвоила число так называемых полиархий¹. Одновременно существенно обновляются структуры и функции

¹ Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М., 2003. – С. 207.

государственной власти, возникает так называемое «социальное государство» - более совершенная и эволюционно продвинутая версия сильного государства. Основное отличие социального государства от государства-опекуна - в существенно возросшем значении обратных связей и, соответственно, воздействий граждан и их расширяющегося корпуса, их ассоциаций и вообще институтов гражданского общества на государство и его институты.

Кроме того, прежние органы попечения трансформируются в разного рода службы (services). Это очень важный, принципиальный сдвиг, ибо меняется сама логика отношений между большинством населения и государством. Люди из несмышленишей, неготовых к самостоятельной деятельности, из подданных, нуждающихся в попечительстве, а то и руководстве, превращаются в самостоятельных граждан, способных и готовых стать клиентами государства, требовательными, порой даже придирчивыми заказчиками его услуг. В свою очередь, государство, при всей своей все возрастающей масштабности и мощи, концентрирует свои усилия на предоставлении гражданам и их ассоциациям разного рода услуг, интерпретирует свою деятельность как выполнение обязательств по контракту с гражданами. Даже традиционная монополия суверенного государства на контроль военной мощи начинает интерпретироваться в условиях «холодной войны» как предоставление гражданам безопасности в ответ на выплачиваемые ими налоги.¹

Еще одной важной приметой нового этапа развития государственности в мировом масштабе становится появление интеграционных межгосударственных образований, которые строятся не на соединении совокупной суверенной мощи государств, как это было в рамках договоров и союзов XIX века, или даже в таком объединении, как Лига Наций, а на интеграции отдельных специализированных функций современных государств. Новые образования обеспечивали и обеспечивают реализацию государственных

¹ Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М., 2003. – С. 207-208.

функций за пределами национальных территорий, прежде всего военных (НАТО, ОВД и т. п.), но также экономических и социальных (ЕЭС, СЭВ и т.п.). Интеграция при этом позволяет не только соединить ресурсы, но качественно повысить эффективность их использования, а тем самым и уровень «обслуживания» граждан соответствующих стран. Попутным, но крайне важным результатом стала выработка международных стандартов «обслуживания» граждан, а также появление возможностей пользоваться соответствующими «услугами» за пределами, своей национальной территории.

Одновременно можно отметить появление второй волны изменений в сфере мировой внегосударственной публичности. Она более отчетливо, чем прежде, выявляется на фоне бицентричной системы соперничества сверхдержав с сохранением и развитием институциональной центрированности в виде ООН. Представлена она, однако, прежде всего довольно рыхлой системой национальных гражданских обществ с европейским ядром, простыми транснациональными институтами и международным частным правом. Новшеством становится бурный рост числа неправительственных организаций и их все большее разнообразие.

После Второй мировой войны существенные изменения происходят в международных делах. В зоне неокOLONиализма или так называемого «третьего мира», помимо предоставляющих «помощь» бывших метрополий, стран Запада вообще и их социалистических конкурентов, а также собственных региональных образований, реализацию части государственных функций на основе международных соглашений берут на себя специализированные органы ООН.¹

Появление подобного рода транснациональных структур свидетельствует о структурно-функциональной эволюции как самой государственности, так и межгосударственных отношений, то есть о проявлении новых качеств, которые можно характеризовать как протоголобализацию.

¹ Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М., 2003. – С. 209.

Дисфункции второго этапа развития государственности связаны с неспособностью государств и их институтов удовлетворить бурный рост претензий граждан, их требований на получение так называемых социальных услуг. В то же время сами объединения граждан, прежде всего в лице профсоюзов и неправительственных организаций, оказываются не только не способны сами брать на себя социальные функции, но в большинстве случаев сохраняют иждивенческий настрой и еще не могут достаточно отчетливо осознать способы удовлетворения своих требований.

Третий комплекс перемен (70-е годы) связан с «разгрузкой» государств, с переходом ряда функций социального государства к институтам гражданского общества и, особенно, к публичным корпорациям.

В международном плане налицо попытки перейти от взаимозависимости и биполярной структуры международных отношений к постановке проблемы нового целостного мирового порядка. В более конкретном смысле речь может идти о создании новых, глобальных по природе (децентрализованных) институтов, а также о преобразовании прежних институтов (наций-государств, гражданских обществ и т. п.) под глобальное взаимодействие между ними. В конечном счете подобного рода преобразования, изменения конфигурации международных отношений и переход от стихийного формирования международных режимов к целенаправленному - все это могло бы позволить практически приступить к решению задачи поддерживаемого и направляемого развития, которое обеспечивалось бы в общепланетарном масштабе.

Этому эволюционному повороту соответствует в целом подъем третьей волны демократизации и связанное с ней формирование международного режима, претендующего на всепланетное продвижение и укоренение демократизации, немислимое без согласования усилий, как государств, так и многих других акторов, традиционно относящихся к гражданскому обществу, например общественных движениях, включая правозащитные, экологические, антивоенные и т. п.

Существенно усложняется сфера внегосударственной публичности.

Широкое развитие получают так называемые гражданские инициативы. Это новое явление, демонстрирующее новый тип политического поведения. В некоторых случаях гражданские инициативы берут на себя непосредственное решение тех или иных социальных задач. В других — предлагают конкретные пути решений и выступают в роли инициативных первопроходцев, подающих своего рода пример.

Помимо уже отмеченных особенностей мировой публичной сферы укажем на появление в последние десятилетия XX века особых «постмодернистских» слоев-посредников с присущими им «постматериалистическими» ценностями¹. С «постмодернизмом» и «постматериализмом» часто связывают возникновение слоя «новых космополитов». Данный социальный слой может служить своего рода проводником идей глобализации и поставлять «кадры» для новых институтов, возникающих на транснациональном уровне. Однако при всей своей важности подобные институты отнюдь не определяют облик, а тем более функционирование сферы внесударственной публичности, для которой куда важнее изменения институтов национального, субнационального и локального масштабов.

Все подобного рода изменения указывают на появление признаков общечеловеческой общности, что проявляется в некоторых элементах общего образа жизни и общения (Интернет, международные путешествия, туризм и т. п.), а также в соответствующих культурных образцах и ценностях - вплоть до так называемых общечеловеческих ценностей.

Третья волна изменений мировой сферы внесударственной публичности совпала по времени с периодом разрядки 70-х годов (в потенции - конвергентной), а затем - с турбулентной ситуацией выхода из «холодной войны» при сохранении рудиментов бинарного типа международных отношений и появлении вместе с тем системы однополярного мира.

¹ Инглехарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис, № 4, 1997.

В целом, таким образом, можно говорить о вступлении мирового сообщества в фазу глобализации. Третья волна демократизации позволяет создавать альтернативные институты и институциональные комплексы демократического участия в управлении, которые можно рассматривать как своего рода зародышевые эволюционные формы контроля над развитием.

Школа федерализма выдвинула свою идею интеграции. Авторами являются Этциони, Спинелли. Заметное распространение этой идеи началось после 80-х годов. Суть этой идеи заключалась в следующем: необходимо создать мировое правительство, которое должно было объединить государства для решения различных конфликтов. Но эта идея встретила жесткое сопротивление со стороны политиков, заботящихся о сохранении национальной и государственной суверенности.

Необходимо отметить, что интеграционный процесс имеет и свои трудности: национальные интересы государств сталкиваются с региональными, международными и имеют различную направленность.

Исследование третьей волны демократизации включает проблему консолидации новых демократических политических систем. Эта тема имеет множество аспектов и ее постановка связана прежде всего с поиском оснований, которые бы позволили предотвратить, или по меньшей мере снизить натиск реверсивных движений. Хантингтон выделяет новые опасности, которые угрожают демократиям третьей волны. Первая опасность, в которую он мало верит, - это реставрация власти бывших коммунистических партий, «красный поворот». Если даже он и произойдет в странах Центральной и Восточной Европы, то вряд ли реставрация задержится надолго; «поворот» будет носить эпизодический характер и не повлияет серьезно на возврат к прежней системе. Вторая потенциальная угроза новым демократиям исходит от партий и движений с заведомо антидемократической идеологией, особенно религиозно-фундаменталистской направленности (ислам). Но более серьезной, по Хантингтону, является третья опасность — сосредоточение власти в руках избранного главы ис-

полнительных структур государства. Сосредоточение власти ведет к возрождению авторитаризма и поддержке жестких методов руководства в ущерб политическому участию и представительству интересов. Наконец, угроза так же может исходить от ограничения политических прав и гражданских свобод, связанных со свободой средств массовой информации, оппозиционностью в политической системе и защитой прав этнических и иных меньшинств¹. Отсюда то огромное внимание, которое сейчас обращается на консолидацию демократии как условие ее дальнейшего развития. В исследовании консолидации демократии выделяются несколько подходов: структурный, транзитологический, институциональный. Структурный подход акцентирует внимание на внешних условиях, определяющих процесс демократизации. Транзитологический подход связан с теорией выбора действующими в политике акторами демократических форм политической жизни. Институциональный подход выделяет роль различных институционализированных режимов в ходе укрепления демократии.

Консолидация демократии представляет собой ключевой этап в переходе от авторитарной формы правления к демократической. Он начинается после решающего разрыва с предыдущим режимом и заканчивается, когда можно уже говорить о том, что демократии развиваются на своей собственной основе, позволяющей им при всех перипетиях экономической, социальной и культурно-идеологической жизни поддерживать некоторое устойчивое развитие. Консолидация демократии, в этом отношении есть процесс обоснования новых политических отношений не только в смысле субъективного принятия ее ценностей и норм, но и в смысле надежности дальнейшего функционирования демократических институтов. Ставя вопрос о консолидации демократии, исследователи так или иначе актуализируют и саму проблему переходности режимов,

¹ Huntington S. Democracy for the Long Haul // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. - № 2, p. 8-10.

установленных в ходе третьей волны демократизации. Если консолидированная демократия не заканчивает процесс перехода, то, по видимому, можно говорить о целой эпохе переходов от одного вида демократического режима к другому. То есть, консолидированная демократия является базисным условием выбора системой подходящей модели демократии.

Понятие «консолидация демократии» приобрело значение категориального термина в сравнительной политологии, начиная с работы, опубликованной в 1986 г. Гуилермо О'Доннеллом и Филиппом Шмиттером «Переход от авторитарного правления»¹. В ней представлен по преимуществу транзитологический подход к этой теме. В девяностые годы эта тема становится одной из ведущих в демократической литературе. Смещение интереса от исследования перехода к демократии к вопросам ее консолидации вызвано вполне понятными причинами: эмпирически ориентированная политология отражает ситуацию неоднозначности процессов становления новых демократических режимов и поиск оснований их закрепления. Вместе с этим можно отметить и отчётливо выраженный методологический поворот. Он связан с критикой концепции условий демократии, господствовавшей в 60-80-х годах. Нужно определить не только необходимые, но и достаточные факторы и не только для возникновения, но и для закрепления демократии. Крайнее мнение здесь выражает Филипп Шмиттер, который пишет, что нынешняя дискуссия о демократизации «включает отрицательное отношение к предыдущему широко распространенному суждению, что демократия является функциональным условием или этическим императивом». «Ни уровень экономического развития, ни гегемония буржуазии не могут автоматически гарантировать появление, более того укрепление, демократии. Не является этот режим так же очевидным результатом некоторого предыдущего достигнутого уровня

¹ O' Donnell G., Schmitter Ph. And Whitehead L. (eds). Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. Baltimore: The Johns Hopkins University, 1986, p. 73.

«цивилизации», грамотности, успехов в образовании или особой политической культуры. Это не значит отрицание того факта, что благосостояние, относительно равное распределение богатства, конкурентоспособная на мировом рынке экономика, хорошо обученное население, большой средний класс, а также готовность принять разнообразие, доверять сопернику и разрешать конфликты компромиссом являются преимуществом, это значит как раз то, что демократия все еще должна быть выбрана, воплощена и увековечена «агентами», реально живущими политическими акторами с их особыми интересами, страстями, памятью».¹ Не все придерживаются подобной довольно радикальной позиции, но она верно выражает общее настроение, связанное с необходимостью идти дальше в исследовании демократии, с некоторым сомнением относительно статистических зависимостей, с ощущением необходимости перехода от объективизма к объективности, когда конфликт интересов не всегда однозначно связан с одним каким-либо выбором.

Концептуально консолидация демократии может быть представлена несколькими подходами, в какой то мере взаимодополняющими друг друга, ибо каждый из них, прорабатывая те или иные механизмы и факторы консолидации, так или иначе вынужден компенсировать недостатки конкурирующих подходов. Все исследователи, между тем, сходны в том, что консолидация демократии есть необходимый этап ее становления, этап длительный и противоречивый, этап, порождающий инновационные механизмы и, возможно, модифицирующий западные представления о демократических политических системах. Нельзя четко определить начало консолидации, так как процесс перехода уже включает некоторые ее элементы. Ричард Гиллеспи пишет о консолидации как о прогрессивном нара-

¹ Schmitter Ph. Interest Systems and the Consolidation of Democracies // Reexamining Democracy. Newbury Park, London. New Delhi: Sage Publications, 1992, p. 158-159.

стающем процессе перехода к устойчивой демократии в Греции, Испании и Португалии в 70-80-е годы. Ларри Дайамонд говорит о тесной связи между углублением демократии и ее консолидацией. «Демократическая консолидация, - пишет он, - поощряется множеством перемен в институтах, политике и поведении. Многие из них прямо улучшают управление (governance) через усиление компетенции государства; через либерализацию и рационализацию экономических структур; через социальную безопасность и политический порядок вместе с обеспечением основных свобод; через совершенствование горизонтальной подотчетности и господство права; через контроль над коррупцией. Другие [перемены] улучшают репрезентативные функции демократического правления посредством развития политических партий и их связей с социальными группами, посредством снижения фрагментации партийной системы, увеличения собственной компетенции и общественной подотчетности законодательных органов и местных властей, укрепления гражданского общества»¹.

Первые исследователи консолидации демократии О'Доннел и Шмиттер проводили различие между переходом к демократии и консолидацией. Во время перехода «организуются основные институты нового порядка и начинают работать и взаимодействовать согласно новым правилам игры»². Консолидация же требует «институционализации новых норм и структур режима, расширения их легитимации и устранения препятствий, которые на первоначальных этапах делают их установление трудным»³. Сам процесс консолидации демократии включает в себя четыре направления: (1) быстрое ограничение, сведение к минимуму или связывание ее идеологических и институциональных несоответствий; (2) установление ее автономии перед лицом старых властей, особенно армейских сил; (3) мобилизация

¹ Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 3, p. 34.

² O' Donnell G., Schmitter Ph. And Whitehead L. (eds). Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. Baltimore: The Johns Hopkins University, 1986, p. 73,89.

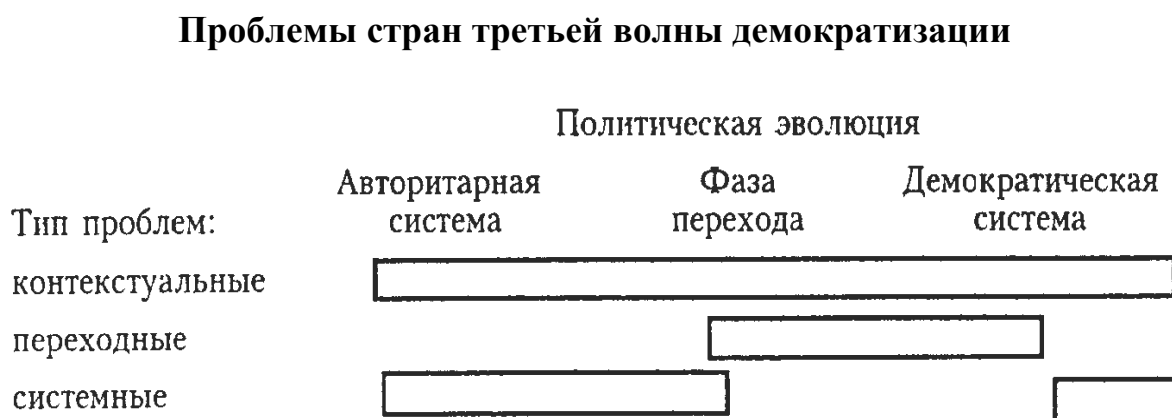
³ O' Donnell G., Schmitter Ph. And Whitehead L. (eds). Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. Baltimore: The Johns Hopkins University, 1986, p. 77/

гражданского общества в политических формах его выражения; (4) развитие относительно стабильной партийной системы, способной обеспечивать формирование ответственного перед народом правительства³. Хотя эти направления консолидации и содержат некоторые общие моменты, свойственные третьей волне демократизации, но не учитывают последующие демократические движения в мире, особенно в Восточной Европе, на территории бывшего Советского Союза. Более поздние исследования позволили дополнить и конкретизировать многое из анализа середины 80-х годов. Во-первых, оказалось, что процесс консолидации демократии предполагает не только институционализацию новых норм и структур, но и зачастую связан с использованием элементов традиционной культуры и даже менее радикальным отношением к предшествующему авторитарному режиму. Во-вторых, консолидация демократии невозможна без соответствующей реформы административных государственных структур. Возникающая демократия вступает в противоречие не только с авторитарным стилем государственного управления, к которому склонно старое чиновничество, но и с рационализированными правовыми нормами бюрократической машины управления. В-третьих, консолидация демократии необязательно следует одной - либеральной - модели, но может осуществляться на основе своеобразного сочетания разнообразных форм и моделей. В-четвертых, хотя партийная система и является ключевым элементом демократии, но ее консолидация предполагает некоторый резерв динамичного процесса выражения интересов посредством разнообразных, иногда спонтанно возникающих, движений, корпоратизма, местного самоуправления и т.д. В-пятых, консолидация демократии имеет и международные параметры, не только связанные с оказываемой новым демократиям помощью, но и включением демократизирующихся стран как равных партнеров в международные сообщества.

В концепции третьей волны демократизации Хантингтона

проблематика консолидации демократии занимает важное место. Хантингтон связывает ее с вопросом об условиях новой реверсивной волны в 80-90-е годы: будет ли отход от демократии спорадическим или устойчивым зависит от консолидации демократии. Консолидация демократии здесь выступает как процесс, связанный с решением ряда проблем, с которыми неизбежно сталкиваются новые политические режимы. Хантингтон выделяет три ряда таких проблем: проблемы перехода, контекстуальные проблемы и системные проблемы (см. схему 3)¹.

Схема 3.

Проблемы перехода проистекают прямо из того факта, что страны осуществляют переход от авторитарного к демократическому режиму. Они включают установление новых конституционных и избирательных систем, замену чиновников в структурах власти на лояльных к демократии, замену или модификацию законов, которые противоречат демократии, упразднение или коренную переделку таких авторитарных структур, как секретные службы, отделения, что было свойственно однопартийным авторитарным системам, партий от выполнения ими государственных функций. Среди всех этих проблем Хантингтон выделяет две ключевые проблемы: (1) как следует поступить с теми официальными лицами старого режима, которые явно участвовали в подавлении прав человека («проблема палачей»); (как снизить

¹ Huntington S. The Third Wave. Democratization in late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991, p. 210.

вовлечение военных в политику и установить профессиональную структуру отношений между военными и гражданскими («преторианская проблема»)¹.

Таблица 1

Распределение стран по контекстуальным проблемам в 70-80-е годы²

Контекстуальные проблемы	Страны
Большие бунты	Эль Сальвадор, Гватемала, Перу, Филиппины
Этнические/коммунальные конфликты (отдельно от бунтов)	Индия, Нигерия, Пакистан, Румыния, Судан, Турция
Крайняя бедность (низкий показатель ВВП на душу населения)	Боливия, Эль Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Индия, Монголия, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Судан
Сильное социально-экономическое неравенство	Бразилия, Эль Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Индия, Пакистан, Перу, Филиппины
Хроническая инфляция	Аргентина, Боливия, Бразилия, Никарагуа, Перу
Существенный внешний долг	Аргентина, Бразилия, Венгрия, Нигерия, Перу, Филиппины, Польша, Уругвай
Терроризм (отдельно от бунтов)	Испания, Турция
Экстенсивное государственное влияние на экономику	Аргентина, Бразилия, Болгария, Чехословакия, Восточная Германия, Венгрия, Индия, Монголия, Никарагуа, Перу, Филиппины, Польша, Румыния, Испания, Турция

Контекстуальные проблемы связаны с природой общества, его экономикой, культурой и историей. Эти проблемы в некоторой степени безразличны к форме правления и возникают при любом режиме. Авторитарные режимы не разрешили этих проблем, и вероятно, они не будут разрешены полностью демократическими режимами. Контекстуальные проблемы имеют страновую специфику, их решение отличается от страны к стране. Между тем, можно выделить ряд таких проблем, которые присущи странам третьей волны демократизации: бунты, местные коммунальные конфликты; региональные антагонизмы, бедность, социально-экономическое неравенство, инфляция, низкие показатели экономического роста, внешний

¹ Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991, p. 253-254.

² Там же. - С.253-254.

долг (См. таблицу 1). Исследователи, говорит Хантингтон, часто пишут об угрозе, которую эти проблемы создают консолидации демократии.¹ За исключением низких показателей экономического развития, число и разнообразие контекстуальных проблем, кажется, имеет умеренное отношение к вопросу об удаче или неудаче консолидации демократии.

Как только новые демократии становятся консолидированными и достигают определенной степени устойчивости, они сталкиваются с системными проблемами. Авторитарные политические системы страдают от проблем, которые связаны с их природой (сверхконцентрация принятия решений, дефицит обратной связи, зависимость от перформативной легитимности). Демократические системы имеют свои собственные проблемы, которые возникают при долговременном существовании демократии. Новые демократии не имеют иммунитета против них. К таким проблемам Хантингтон относит: демократический пакт, неспособность достигнуть решения, чувствительность к демагогии, доминирование крупных экономических интересов.

Среди условий, которые благоприятствуют консолидации демократии, Хантингтон отмечает наличие в истории страны опыта демократического развития, особенно длительного; относительно высокие показатели экономического развития, индустриализации и образования; международные связи и зарубежная помощь; длительность осуществления перехода к демократии, нахождения страны в третьей волне демократизации; мирный, консенсуальный переход от авторитарного режима к демократическому; нормальное отношение политических элит и населения к возникающей у демократического правительства невозможности разрешить контекстуальные проблемы. Он считает, что имеется еще ряд условий, но эти шесть относятся

¹ Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991, p. 253-254.

к первостепенным¹.

Артуро Валенцуэла связывает демократическую консолидацию с двумя процессами: упразднением остатков старой системы, которые несовместимы с действием демократического режима, и с построением новых институтов, которые укрепляют демократические правила игры. Определение демократической консолидации проистекает из минимального определения демократии, включающего тайное голосование, всеобщее избирательное право и ответственность правительства. Таким образом, можно сказать, что страна имеет консолидированную демократию, если все основные политические силы и деятели принимают правила демократической игры, соответствующие минимальному определению демократии, и если никто из них не использует какие-либо средства, находящиеся вне этих санкционированных демократических игр². Здесь, как видно, акцент ставится на институционализации демократических правил взаимоотношений борющихся политических сил, принятых ими в качестве императивов своей деятельности. Фактически речь идет о некотором закреплении границ политической борьбы, выход за которые ставит всю демократическую политическую систему под угрозу.

На внутренние условия закрепления правил игры обращает внимание и Ларри Дайамонд. Он проводит различие между электоральной демократией, имеющей формальный характер (или «псевдодемократией»), и настоящей либеральной демократией, обеспечивающей не только формальную процедуру выборов, но и эффективную защиту гражданских прав и политических свобод. Именно последние демократии, т.е. либеральные демократии, обладают качеством консолидированности. Анализ состояния дел в области свободы и демократии в 90-е годы показывает, что доля свободных государств среди формальных демократий имеет тенденцию к

¹ Huntington S. Democracy's Third Wave // Journal of Democracy. Spring, 1991.

² Mainwaring S., O' Donnell G., Valenzuela A. (eds). Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective. South Bend: University of Notre Dame Press, 1992, p. 48-49.

снижению. «В сущности, - пишет Дайамонд, - консолидация есть процесс достижения такой широкой и глубокой легитимации, при которой все политические акторы - как на уровне элит, так и масс - верят, что демократический режим является лучшим для их общества, чем любая иная реалистическая альтернатива, которую они могут себе вообразить»¹. При этом, подобная легитимность должна не только быть неким абстрактным доверием к системе, но и включать определенные нормативные обязательства и бихевиоральные структуры.

Существенными в этом процессе являются перемены в политической культуре, которые выражаются в поведенческих структурах и предполагают переход от «инструментальных» установок демократии к «принципиальным», т.е. демократия в этом случае становится ценностью, которая передается в процессе политической социализации и укореняется в ценностной структуре личности на правах одной из ведущих. Сравнительный анализ процессов возникновения и консолидации демократии показал, что политическая культура оказывает на них влияние тремя путями: переменой в сознании и ощущении властвующих элитных групп; изменением массовой политической культуры; оживлением демократических норм и предпочтений. Ларри Дайамонд ставит акцент на ответственности элит за укрепление или разрушение демократии со временем, хотя и не отрицает значения массовой культуры. Он убежден, что политическая культура может как расширить, так и ограничить возможности для демократии: «В действительности можно утверждать, что перемены в роли, силе или стабильности демократии редко случаются без некоторых заметных подвижек - или отсутствия перемен - в политической культуре»².

Различие между процессом перехода к демократии и ее консолидацией приводит к необходимости определять некоторый набор необходимых и достаточных условий, при которых последний процесс может начаться.

¹ Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 3. p. 33.

² Diamond L. Political Culture and Democracy in Developing Countries. – 1993. С.27

(См. Таблицу 2)¹.

Хуан Линц и Альфред Степан выделяют три таких условия. Во-первых,

Таблица 2.

Формальные и либеральные демократии, 1990-2000 гг.

Годы	Число формальных демократий	Число свободных государств (либеральные демократии)	Доля свободных государств в формальных демократиях	Всего
1990	76 (46,1%)	65 (39,4%)	85,5%	165
1991	91 (49,7%)	76 (41,5%)	83,5%	183
1992	99 (53,9%)	75 (40,3%)	75,8%	186
1993	108 (56,8%)	72 (37,9%)	66,7%	190
1994	114 (59,7%)	76 (39,8%)	66,7%	191
1995	117 (61,3%)	76 (39,8%)	65,0%	191
2000	120 (62,5%)	86 (44,8%)	71,7%	192

при современной политической организации общества свободные и признанные выборы не могут осуществляться, победители не могут осуществлять монополию легитимной власти и граждане не могут эффективно осуществлять свои права, защищенные господством закона, если не существует государства. Во-вторых, демократия не может стать консолидированной, если демократический переход не завершен. Демократический переход считается завершенным, когда деятельность всех ветвей власти (исполнительной, законодательной и судебной) имеет высокий уровень свободы от влияния со стороны военных, религиозных структур и других авторитарных сил. В-третьих, ни один режим не может быть назван демократическим до тех пор, пока его правители не правят демократично, т.е. исполнительная власть не покушается на конституцию, не подавляет права личности и меньшинств, не вмешивается в дела законодательной власти².

Все три условия говорят о том, что консолидированной демократией может стать только демократия, а не либерализированный недемократический режим, псевдодемократии или гибридные демократии, где некоторые демократические институты сосуществуют с

¹ Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 3. p. 28.

² Linz J., Stepan A. Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. - № 2, p. 14-15.

недемократическими институтами вне контроля демократического государства. Под консолидированной демократией они, таким образом понимают «политический режим, при котором демократия как сложная система институтов, правил и структурных побуждений и препятствий стала буквально «единственной игрой в городе»¹. В поведенческом смысле демократический режим тогда можно считать консолидированным, когда никакие значительные национальные, социальные, экономические, политические или институциональные акторы не имеют возможности достигнуть своих целей созданием недемократического режима или отделением от государства. В смысле установок демократический режим является консолидированным, когда подавляющая часть населения, даже при наличии экономических проблем и разочарований, имеет мнение, что демократические процедуры и институты являются наиболее подходящими для управления общественной жизнью, и когда поддержка антисистемных альтернатив является небольшой и более или менее изолирована от продемократических сил. В конституционном смысле демократический режим является консолидированным, когда правящие и управляемые одинаково подчиняются механизму разрешения конфликтов внутри границ особых законов, процедур и институтов, санкционированных новой демократической конституцией. Условиями консолидированной демократии могут стать лишь гражданское общество, относительно автономное политическое общество, подчинение государства и основных политических акторов господству права, защита индивидуальных свобод и социальной жизни, институционализированное экономическое общество и эффективное государственное управление².

Значительное внимание в исследованиях процессов консолидации демократии уделяется элитам. Консолидация демократии при использовании

¹ Linz J., Stepan A. Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. - № 2, p. 14-15.

² Linz J., Stepan A. Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. - № 2, p. 14-15.

концепции элит предстает как процесс перемен, осуществляемых по выбору различными группами элит, отношения между которыми и отношения которых к демократии составляет центр проблемы. Борьба за власть между личными элитарными группами часто переворачивает однозначную зависимость между демократией и недемократической элитой. В этом случае консолидация демократии определяется уровнем прагматизации политического сознания старой и новой элиты. Существует довольно подвижная и тонкая граница между стремлением не допустить реставрации политического режима и установкой на демократию. Как пишут некоторые исследователи, «немногие политические акторы готовы поставить свое будущее в зависимость от демократических институтов; они ищут другие, часто неправовые и антидемократические пути для укрепления своих позиций, поддерживая демократический процесс до тех пор, пока он не угрожает их интересам¹. В этом смысле центральной проблемой консолидации демократии выступает формирование действительно демократической элиты, которая может подчинять свои интересы демократической процедуре и ищет их удовлетворения в рамках демократических правил игры.

Институционализация демократии является важным условием ее консолидации. Вопросы, с этим связанные, касаются, например, выбора форм государственного правления. Хуан Линц считает, что наиболее подходящими для стабилизации демократии являются не президентские, а парламентские режимы. Его аргументы сводятся к следующему. Во-первых, в президентских системах всегда существуют противоречивые претензии президента и парламента на большую легитимность. Эти институты власти избираются населением, так что по источникам своей власти они не зависят друг от друга. Линц пишет: «Конфликт [между парламентом и президентом] является всегда латентным и временами, вероятно, должен прорываться весьма драматично; здесь нет демократического принципа для его

¹ Higley J., Gunther R. (eds): *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. 1992, p. 31.

разрешения»¹. Во-вторых, фиксированный срок пребывания в должности президента и его кабинета создает жесткость в системе, которая менее благоприятна для демократии, чем механизм возможной смены правительства в результате недоверия к нему парламента, свойственный парламентским системам. В-третьих, президентские системы вводят в политический процесс нежелательный элемент «всеобщего победителя», тогда как для консолидации демократии важным является не доминирование какой-либо государственной структуры, а механизм согласия, на которые рассчитана как раз парламентская система. В-четвертых, стиль президентской политики менее свойственен демократии, чем стиль парламентской политики. Ощущение себя представителем всей нации способствует тому, что президент может вести себя нетолерантно по отношению к оппозиции. «Чувство обладания независимой властью, мандатом от народа, - пишет Линц, - должно, вероятно, дать президенту понимание власти и его миссии, несопоставимой с той пропорцией голосов, которая позволила ему победить. Это в свою очередь может сделать противодействие, с которым он сталкивается, источником большей фрустрации, деморализации и раздражения, чем сопротивление, обычно испытываемое премьер-министром»². В-пятых, политические аутсайдеры более вероятно могут одержать победу на президентских выборах, соответственно занять пост главы исполнительной власти, что имеет значительный дестабилизирующий эффект. Индивиды, избранные прямым голосованием населения менее зависят от политических партий и более вероятно будут руководить в популистской, антиинституционалистской манере.

Доводы Линца находят косвенное подтверждение в исследовании Фреда Риггса, который указывает на слабость президентских режимов вообще по

¹ Linz J. Presidential or Parliamentary Democracy: Does it Make Difference? // The Crisis of Presidential Democracy: Baltimore, 1994, p.19.

² Linz T. Presidential or Parliamentary Democracy: Does it Make a Difference? // The crisis of Presidential Democracy: The Latin American Evidence / Baltimore: The Johns Hop Kins University Press, 1994, p. 19.

сравнению с парламентскими¹. Арендт Лейпхарт также поддерживает парламентскую форму демократии, делая акцент на пропорциональной системе выборов, которая обеспечивает консенсуальный демократический режим. Есть, однако, исследования, в которых довод Линца оспариваются.

Среди индикаторов, на основании которых можно судить о консолидации режима демократии, другие исследователи выдвигают: (1) чередование во власти конкурентов; (2) продолжительность и широта поддержки и стабильность режима во время крайних экономических трудностей; (3) успешная победа над небольшой, но стратегически значимой группой бунтовщиков и их наказание; (4) стабильность режима перед лицом радикальной перестройки партийной системы; (5) отсутствие политически значимой антисистемной партии или социального движения².

В общем, тем не менее, консолидация демократии осуществляется не на основе выбора какого-либо одного режима, а через поиск положительных элементов многих режимов, включая и использование некоторых традиционных институтов и норм. Более того, значительную роль в консолидации демократии играют неформализованные политические процессы и факторы. Одним из тех, кто обратил внимание на плюралистическую природу режима консолидирующейся демократии,³ был Филипп Шмиттер. Для него «консолидация могла бы быть определена как процесс трансформации случайных договоренностей, благоразумных норм и зависящих от обстоятельств решений, которые появились во время перехода, отношения сотрудничества и конкуренции, которые известны как надежные, регулярно практикуются и добровольно принимаются личностями и коллективами (т.е. партиями и гражданами), участвующими в демократическом управлении»⁴.

¹ Риггс Ф. Непрочность режимов «третьего мира» // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология. – 1993. № 3. С. 93.

² Gunter R., Difmandours N., Puhle H.J. (eds). The Politics of Democratic Consolidation: Southern Europe in Comparative Perspective. Baltimore: John Hop Kins University Press, 1995, p. 12-13.

³ Schmitter Ph. Interest Systems and the Consolidation of Democracies // Reexamining Democracy. Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications, 1992, p. 156-181.

⁴ Schmitter Ph. Interest Systems and the Consolidation of Democracies // Reexamining Democracy. Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications, 1992, p. 156-181.

Ключевой дилеммой консолидации он считает вопрос о том наборе институтов, с которыми политики могут согласиться, а граждане пожелают поддержать. Необходимо согласие относительно некоторого набора правил с использованием которых разрешались бы возникающие конфликты. В этом отношении в основе консолидированной демократии лежит понятий в широком смысле компромисс. Во-первых, современная демократия концептуализируется не как «режим», а как компромисс «частных режимов», каждый из которых институционализируется вокруг некоторых пространств репрезентации социальных групп и разрешения их насущных конфликтов.

Принятие конституции является важным моментом консолидации, но многие политические режимы все-таки останутся не определенными ею. В этой связи заслуживает внимания так же позиция О'Доннелла, который считает, что партикуляризм (или клиентелизм) играет существенную роль в становлении и консолидации демократии третьей волны¹. Во-вторых, можно говорить не о консолидации демократии, а о консолидации многих демократий, т.е. ни один набор современных институтов демократии не является в этом отношении исчерпывающим, наилучшим для современной практики. В-третьих, результат процесса демократизации в третьей волне не слишком зависел от определенных предварительных условий, но скорее от обстоятельств конкретного переходного процесса, когда решались вполне определенные задачи. В-четвертых, как указывает Шмиттер, современная демократизация свидетельствует, что новые социальные движения и ассоциации, составляющие формирующееся гражданское общество, будут находиться в более выгодной позиции, чем политические партии, так как старые власти будут более терпимы к ним. Этот парадокс так же проистекает из плюральности возможных форм и процессов становления и

¹ O'Donnell G. Illusions about Consolidation // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 2, p. 17.

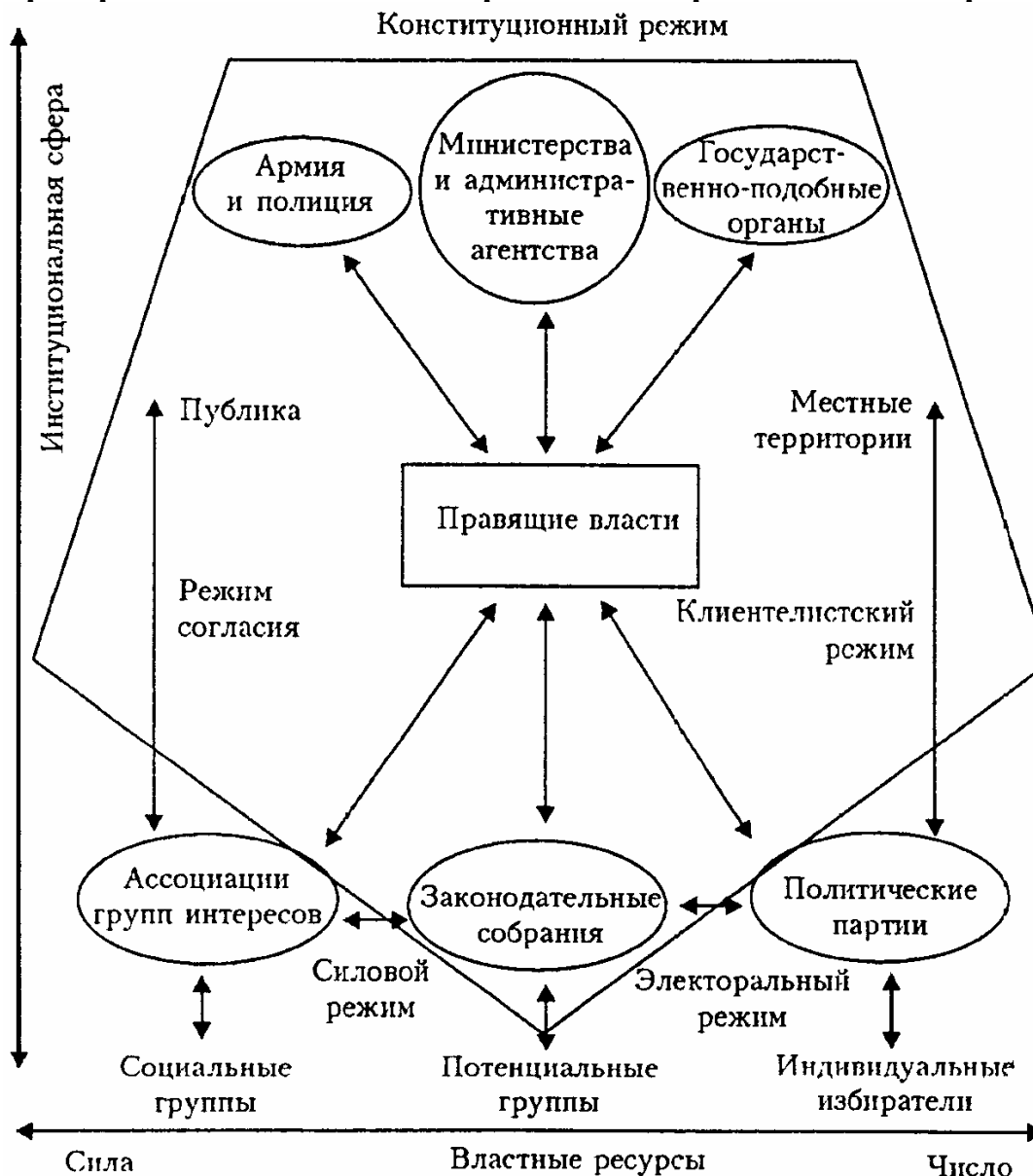
консолидации новых демократий¹.

Консолидация демократии это так же перемены в системе административно-государственного управления. Движение к усилению демократического контроля над государственной администрацией и повышение ее ответственности перед демократически избранными органами власти, децентрализация и деконцентрация бюрократического аппарата, ограничение деятельности государственного аппарата законом, гарантия легальности актов управления все это составляет необходимое условие для укрепления демократии. Многое в этом процессе будет зависеть от того, как будет сформирована новая управленческая структура и каким целям она будет служить. Если при переходе к демократии возможно говорить о двух основных стратегиях в отношении чиновничества, то при консолидации демократии речь уже должна идти, во-первых, не просто о лояльности административного аппарата к демократическому режиму, а о приверженности его правилам и нормам; во-вторых, о новом механизме и принципах их профессионализации; в-третьих, о способе влияния основных политических структур на формирование аппарата; в-четвертых, об отношениях, на которых строится государственная служба.² (См. схему 4)

¹ Schmitter Ph. Interest Systems and the Consolidation of Democracies // Reexamining Democracy. Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications, 1992, p. 156-181.

² Питерс Г.Б. Гражданская служба в условиях укрепления демократии // Международный журнал социальных наук. Измерения и оценка развития, 1995. - № 10. – С. 170.

Пространство консолидации режимов современных демократий

Консолидация демократии в третьей волне проходит в условиях сложного сочетания рационализированных формальных правил, свойственных репрезентативной демократии, и неформальных механизмов согласования интересов, основанных на патронаже в большей степени, чем на меритократических условиях. Так, становление новых демократических

¹ Питерс Г.Б. Гражданская служба в условиях укрепления демократии // Международный журнал социальных наук. Измерения и оценка развития, 1995. - № 10. - С. 170.

режимов в Португалии, Греции и Испании сопровождалось приходом в государственные учреждения представителей политических партий и расширением использования клиентелистских средств. Часто партии пользуются обещанием предоставления постов в государстве для расширения своего влияния. Луис Ронигер пишет о значительной роли патронажа в современных демократиях. Он подчеркивает, что «по-видимому, в репрезентативных демократиях даже более чем в иных политических режимах патронаж и клиентелистские структуры могут быть значительно эффективными в поощрении и вознаграждении партийных активистов и в формировании ответственности у государственных служащих»¹. В этом смысле патронаж может быть использован для формирования демократической политической организации и создания условий для ее консолидации. Правда, никто не знает границ эффективности патронажной системы; слабо исследованы дисфункции патронажа. В истории развития государственной службы патронаж всегда рассматривался в качестве отрицательного механизма формирования государственных чиновников, делались многочисленные попытки заменить его принципами заслуг, т.е. бюрократической рационализированной машиной. В свою очередь бюрократия показала наличие организационных, экономических и социально-психологических дисфункций, нарушающих эффективное функционирование организации. Возвращение вновь к патронажу может свидетельствовать как об отсутствии иной альтернативы бюрократии, так и о повышении роли неформальных механизмов во взаимосвязи исполнительных и представительных структур власти.

Рассмотренные здесь подходы к консолидации демократии свидетельствуют об отсутствии какой-либо единой парадигмы в этой теме. Можно предположить, что переходные процессы сложно вписываются в логически

¹ Roniger L. Civil Society, Patronage and Democracy // International Journal of Comparative Sociology. 1994. Vol. 35. № 3-4. p. 236.

завершенную схему, так как, с одной стороны, велико значение субъективного компонента политического процесса, порождающего множество случайных величин, с другой стороны, в них появляется много новых механизмов и характеристик, требующих нестандартных концептуальных разработок.

ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ

2.1. Государственное управление как фактор консолидации демократии

Глобальное управление - это идея совершенствования управления миром, создание некоего целостного единого мирового сообщества. В широкий оборот этот термин был введен в 1990 г. Комиссия ООН во главе с В. Брандтом должна была решить как бороться с глобальными проблемами, с бедностью, болезнями; как отвечать на новые вызовы времени: государственные конфликты, войны, межэтнические столкновения, террористические акты; как оценивать новые тенденции в развитии современного мира - демократизацию и интеграцию, появление новых акторов на мировой арене, изменение внешней политики. Для решения этих задач были предложены несколько вариантов:

1. Создать единое мировое правительство. Но это оказалось нереально: слишком много участников и разные ценности.

2. Провести реформирование международной организации - ООН и сделать ее основным звеном управления.

3. Идея однополярности мира и управления США. Изучалась взаимосвязь стабильности политического режима с наличием некоего государства - лидера. Но эта идея вызвала протест сторонников многополярного мира.

4. Глобальное управление исходит из полицентричности мира и предполагает участие в управлении не только государства, но и других участников мирового политического процесса.

Этот вариант стал на сегодняшний день наиболее приемлемым и адекватно отражающим ситуацию. Так как произошли следующие трансформации:

1. Изменилась политическая структура мира.
2. Изменились международные отношения.
3. Выделились две новые тенденции в развитии современного мира - демократизация и интеграция.
4. Глобализация оказалась сложным противоречивым и многоуровневым процессом.

Также известны различные подходы к самому управлению. Сегодня появились книги американских ученых Д. Розенау, О. Шемпеля «Управление без правительства: порядок и изменение в мировой политике», а чуть раньше вышла книга «Турбуленция в мировой политике». В данных работах Д. Розенау рассматривает управление как систему правил для любого уровня управления¹.

Российский ученый В.М. Сергеев для повышения процессов глобального управления вводит понятие демократии - согласования интересов различных групп путем переговоров. На сегодняшний день, популярными становятся совместные встречи на высшем уровне. Примером может служить встреча Т. Блэра с В.В. Путиным, где был решен вопрос о позиции России в Иракской войне. Также необходимо отметить позитивную роль конференций, организуемых для решения глобальных проблем.

Сегодня отчетливо выделяются следующие параметры глобального управления

- множественность акторов;
- отсутствие иерархических связей;
- множественность форм и методов взаимодействия;
- использование переговоров для принятия согласованных решений.

Важную роль в глобальном управлении играет изменение структуры международных отношений.

Необходимо отметить, что мир становится полицентричным, в

¹ Лебедева М.М. Мировая политика. - М., 2003. - С. 316.

многополярном мире полюсом выступает государство, а в полицентричном полюса являются различными и находятся на разных уровнях. Политическая структура мира напоминает скорее сеть по типу Интернет, чем прямую со множеством сплетений государственных - негосударственных - межгосударственных - смешанных. По мнению американского исследователя Розенау понятие «международные отношения» утрачивают прежний смысл. Если раньше для описания мира использовали метафоры типа «центр-периферия», то сегодня используются такие метафоры как «сеть - паутина».

Идея полицентричного мира по сетевому принципу интенсивно развивается глобалистами. Известный шведской ученым Андерсон в своей работе «Ворота в глобальный мир» указывает, что появились целые города, районы, которые являются центрами пересечений и передовыми форпостами в глобальный мир. Это такие города как Нью-Йорк, Токио, Милан, Сингапур, Майямы. Именно здесь происходит пересечение узлов финансовых, научных, культурных, которые являются стандартами будущего развития мира.

Современная эпоха - эпоха транзита, перехода. Сегодня идет качественная трансформация, меняющая суть системы как внутривполитического, так и внешнеполитического устройства мира. Идет становление не отдельного государства, а мировой системы. Происходят изменения в политической жизни столкновения цивилизаций, распад государств.

На наш взгляд, можно выделить следующие парадоксы происходящего перехода:

С одной стороны действуют старые законы, с другой давно существуют новые; с одной стороны изменяется государственная суверенитет, государство становится более открытым, с другой вмешательство во внутренние дела государства, нарушение суверенитета вызывает кризис; примером может послужить конфликт в Косово;

Многие исследователи сегодня предлагают три сценария развития событий. Фукуяма считает, что произошла победа либерализма, Хантингтон считает, что идет столкновение цивилизаций, третий сценарий интегрирует два предыдущих.

Для понимания процессов глобального управления необходимо выделить особенности политической структуры современного мира.

1. Множественность участников на мировой арене: государства, межправительственные организации, неправительственные организации, ТНК, регионы¹.

Изменилась роль государства. Его значение оценивается по многим параметрам. Сегодня все более значительным становится экономический фактор. В современном мире государства ранжируют в зависимости от доходов на душу населения выделяют государства с низким доходом, со средним, и с высоким. 40% государств и 55% населения попадают в первую категорию, 45% средним доходом во вторую, и только 15% с высокими доходами в третью. Большинство стран с высоким уровнем доходов являются членами ОЭСР (организация экономического сотрудничества и развития) - клуба богатых государств.

Развитие мировой политической системы XXI века бросило вызов базисному атрибуту государства как основного участника международного взаимодействия - государственному суверенитету. Теперь оно должно считаться как с международными организациями, так и с внутригосударственными регионами.

На сегодняшний день можно говорить, что размывается международное право. Основными принципами международного права были:

1. Невмешательство государства в дела других государств, но после событий 11 сентября 2001 года международные отношения изменились теперь США могут вмешиваться во внутренние дела других государств и даже

¹ Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов // Международные отношения. Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998. – С.115

менять их руководителей (Ирак).

2. Принцип самоопределения наций (сегодня наблюдается рост национализации);

3. Соблюдение прав человека (сегодня происходят политические конфликты по этому поводу);

Базисной становится проблема идентичности государства. Ряд исследователей говорят о появлении расщепленной самоидентичности. Это этническая или религиозная самоидентичность. Так же необходимо отметить, что гражданами Земли себя ощущают только 15% населения. Это так называемая проблема гражданственности. Государство реагирует на ослабление суверенитета образуются диктатуры и квазигосударства¹.

Таким образом, произошло изменения содержания государства. Часть функций передано другим структурам. Таким как межправительственные организации.

В XIX веке появляются первые межправительственные организации (МПО). Такое объединение было создано для реализации общих целей. Данные организации являются источниками международного права - взаимодействия на международной арене. Примером могут послужить «Большая семерка», «Большая восьмерка». При ООН действуют следующие МПО:

- Международная организация труда (МОТ);
- Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ);
- Международная организация гражданской авиации;
- Международное агентство по атомной энергетике (МАГАТЭ).

В современном мире насчитывается около 250 межправительственных организаций. Спектр проблем, которыми занимаются сегодня межправительственные организации, очень широк. Это борьба с международным терроризмом, урегулирование конфликтов, уменьшение бедности, развитие демократии, проблемы экологического характера.

¹ Кулагин В.М. Формирование новой системы международных отношений. - М., 2000. – С.173

Наряду с межправительственными организациями действуют неправительственные организации.

Они еще более разнообразны и круг проблем, которые они решают, весьма широк. Это международные ассоциации, например, Международная ассоциация политических наук, Международный Олимпийский комитет, Международная организация журналистов, Всемирный совет церквей, Красный крест.

Данные организации пользуются большим доверием у людей. Во Франции население в 5 раз больше доверяет неправительственным организациям, чем правительству. В США, Германии, Великобритании та же ситуация. В XXI веке для неправительственных организаций характерно: рост числа участников; расширение географии действия; усиление политического влияния; расширение спектра решаемых вопросов.

ТНК - транснациональные, мультинациональные, межнациональные корпорации. Это базисные структуры, направленные на достижение собственной прибыли. Сегодня их насчитывается около 50 тыс., и они оказывают огромное влияние на политический процесс.

Все большую роль в глобальном мире играют внутригосударственные регионы. Современную Европу даже называют «Европой регионов». Усиление влияния регионов на международной арене ведет к ослаблению демократии. Усиление регионов ослабляет центральную власть. В России проблема регионов связана, в первую очередь, с ассиметричностью: регионов в России очень много, они не всегда сотрудничают с Центром.

Множественность участников является фактором изменения политической структуры мира. На международной арене действует множество новых акторов: государственные организации, межправительственные организации, неправительственные организации, ТНК, регионы. Так же необходимо отметить, что самостоятельным субъектом мирового политического процесса становятся СМИ. Они влияют на международные отношения и на внутригосударственную деятельность.

В условиях глобализации большую роль играют интеграция и демократизация мира. Интеграция означает сближение. Она бывает политической, экономической, научно-технической.

Политическая сфера является наиболее сложной, так как именно от нее зависит будущее сотрудничество.

Государственное управление занимает ключевое место в структуре целостного политического процесса. В связи с этим важнейшие аспекты процесса нагляднее всего показать на примере государственного управления.

В государственном управлении, с одной стороны, по каналам принятия официальных решений аккумулируется и выражается коллективная воля социума, а с другой - через институциональные механизмы и с помощью политико-инструментальных средств эта воля осуществляется для упорядочения общественных дел. В структурном отношении такое управление объединяет два субпроцесса: 1) регулирование коллективных ресурсов общества; 2) целенаправленное руководство людьми, поддержание институционального порядка общения между ними.

В англо-американской политической науке категория государственного управления - самая обобщающая, ибо включает в себя как государственную/публичную политику (англ. public policy), связанную с разработкой общественной стратегии и тактики, так и собственно государственное администрирование (англ. public administration), направленное на оптимальную организацию деятельности звеньев госаппарата в целом и управленческого персонала, в частности¹.

Со времени написания классических работ Бентли и Трумэна государственное управление и публичная политика ассоциируются с рациональным регулированием общественных дел и коллективных ресурсов теми группами интересов, которые контролируют основные рычаги власти, причем делают они это с помощью официальных

¹ Категории политической науки. – М.: РОСС ПЭН, 2002. – С. 341.

институтов.

Политическое управление обществом, считает американский политолог Чарльз Линдблом, может быть представлено как механизм с ведущими бюрократами наверху, простыми гражданами внизу и встроенными между ними промежуточными соподчиненными звеньями¹. Этот объемный и сложный механизм являет собой систему функциональных фаз и ранжированных составных частей, находящихся в отношениях координации и субординации. Здесь каждый более высокий уровень, с одной стороны, обладает большими информацией, ресурсами и функциями, чем нижестоящий, а с другой - наделен и надлежащей ответственностью за поддержание режима оптимальной деятельности подчиненных ему уровней.

В свою очередь, государственное управление как разновидность социального отличается от других типов управления прежде всего своей универсальностью, предопределенной необходимостью в широких властных полномочиях и функциях, поскольку в регулировании нуждаются многие сферы публичной жизни.

Специфику государственного управления определяет также всеобщая роль конституционного права как системы базовых норм, от имени народа регламентирующих главные сферы активности людей и определяющих фундаментальные принципы взаимоотношений между гражданами и общественными институтами. Государственная организация с функциями управления как иерархизированный политический субъект располагает универсальным комплексом публично-властных полномочий и коллективными ресурсами, используемыми от имени и в интересах всего общества; сознательно применяет административные методы руководства и принудительные санкции; использует легитимные формы социального общения и легальные способы взаимодействия с группами и индивидами.

Следующая важная категория - государственная политика. Она

¹ Категории политической науки. – М.: РОСС ПЭН, 2002. – С. 341.

сопряжена с выработкой стратегического курса общества, основных направлений развития государства и способов осуществления его целей и задач. В современной структуре государственной политики выделяются такие блоки: 1) формирование легитимных субъектов и институциональной иерархии; 2) разработка стратегического курса и принятие государственных решений; 3) административные средства реализации управленческих решений; 4) государственный контроль и арбитраж, обеспечение самокоррекции политического режима и обратной связи с объектами государственного руководства.

Первый блок - порядок формирования самих субъектов государственной политики - предполагает четыре подхода: элитарный, корпоративистский, плюралистический и партиципаторный. Указанные подходы охватывают почти все виды политического управления - от сверхконцентрации государственной власти в руках одного или нескольких людей (древние восточные деспотии, Египет фараонов, императорский Китай) и до плебисцитарных механизмов, либо партиципаторных способов формирования субъектов общественного волеизъявления.

Сторонники концепции элитизма (Р. Миллс, Ф. Хантер) считают, что государством управляют избранные или назначенные «немногие профессионалы», хорошо подготовленные, информированные и поэтому вполне компетентные, а чрезмерное расширение социального представительства и границ политического участия ведет к снижению эффективности всей системы управления либо даже к ее кризису. Субъектом государственной политики выступает элита, которой общество делегирует основные полномочия в деле принятия стратегических для страны решений и которая аккумулирует коллективную волю нации¹. Корпоративисты исходят из модели согласования в рамках государственной политики разнородных групповых, корпоративных интересов как с помощью парламентских механизмов, так и специальных

¹ Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. – М., 1999. – С.151-152.

структур вроде «трехсторонних комиссий», включающих в себя работодателей и профсоюзы, где правительственным органам отводится роль арбитра. При плюралистической схеме органы, руководящие государством и вырабатывающие его стратегию, официально формируются и выражают многообразие интересов на основе свободного, равного и пропорционального представительства. Приверженцы партиципаторной системы управления ратуют за кардинальный рост влияния различных общественных групп на формирование государственной стратегии, а также за децентрализацию властных полномочий общегосударственных субъектов в пользу локального уровня принятия решений и самоуправления местных сообществ граждан.

Избирательный субпроцесс связывает государственное управление с макрополитическим процессом через порядок образования корпуса носителей общественной воли, способы представительства и участия в определении субъектов управления. В случае смены высших должностных лиц или правящих партий может появиться совсем новая государственная стратегия. В демократических странах выборы высших чиновников и представительных органов власти (от президента и парламента до муниципалитетов) есть легитимный способ формирования всеобщей воли, выражения социальных интересов. На референдумах и плебисцитах все избиратели за короткий момент непосредственно становятся коллективным объектом государственной политики.

Даже в ряде современных монархий третьего мира все чаще используется механизм выборов главы государства. В Малайзии и Объединенных Арабских Эмиратах монарх избирается из числа султанов или эмиров, являющихся наследными правителями структурных единиц этих федераций. Для замещения трона в Саудовской Аравии тоже характерны элементы выборности монарха из среды королевской фамилии, причем этот пост часто получают не сыновья, а братья короля. В Свазиленде племенной совет «Ликоко» избирает наследника престола из числа сыновей покойного короля.

Следующий, второй по счету, блок в механизме государственной политики

- разработка стратегического курса и принятие решений. Эти действия связаны с законодательным процессом и оперативным управлением административными органами, так что в них участвуют и законодательные (парламент), и исполнительные (правительство) институты. В зависимости от распределения властных полномочий между ними выделяются два основных подхода: активный и представительский. В первом случае законодательные институты формулируют базовые принципы и конституционные нормы, вырабатывают стратегию общегосударственной политики, а в ведении исполнительных органов находятся практическое осуществление стратегических решений и сама технология оперативного управления. Согласно представительской схеме управления, законодательные (т.е. парламентские) институты ограничиваются лишь фиксированием самых общих ориентиров и правил политической игры, передавая принятие важных оперативно-стратегических решений в структуры исполнительной власти.

Третий узел механизма государственной политики включает в себя применение технологий и методов оперативного управления для достижения намеченных стратегических целей и осуществления на практике решений. Характер этой фазы управленческого цикла определен теми свойствами политического режима, которые отражают особенности институционального взаимодействия государственных органов с рядовыми гражданами, равно как и сами методы политико-правового управления страной (соотношение принуждения и убеждения, насилия и свободы и пр.).

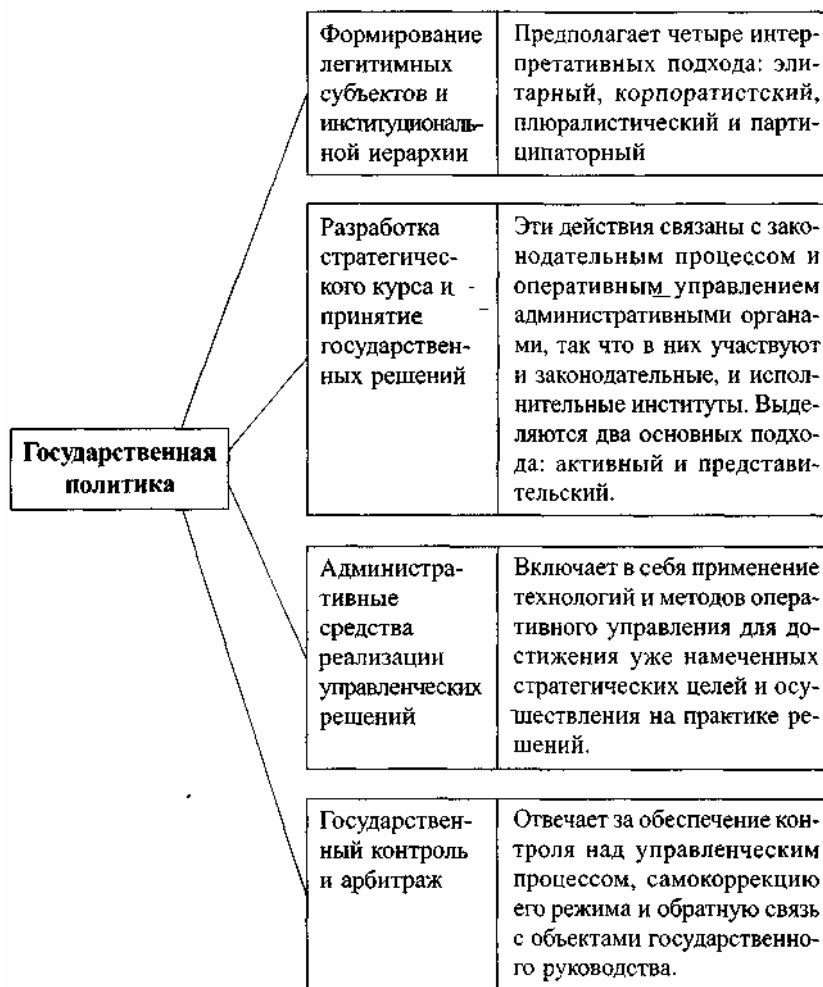
Наконец, четвертый блок отвечает за обеспечение *контроля* над управленческим процессом и самокоррекцию его режима. Разрешение конфликтов, работа системы надзора и арбитража, обеспечивающей обратную связь с гражданами, соотносятся прежде всего с судебно-конституционным субпроцессом и функционированием контрольно-надзорных институтов¹.

С последовательностью действий по формированию и осуществлению государственной политики (вышеназванные функциональные блоки) связаны

¹ Купряшин Г.Л., Соловьев А.И. Государственное управление. – М., 1996. – С. 78.

субординация между самими носителями полномочий и координация между субъектами и объектами управления. Государство в структурном отношении есть система институтов, подразделяющихся по своим полномочиям и функциям на «горизонтальный» (отрасли власти) и «вертикальный» (уровни власти) ряды. Государственное управление - это групповая активность людей, действующих в рамках трех ветвей власти, т.е. в него включены три «горизонтальных» субпроцесса: законодательный, административный и судебный. Сочетание субъектов госуправления, распределение их полномочий и функций значительно усложняется в федеративных странах, где существуют три или даже больше «вертикальных» уровней власти и их носителей (См. схему 5).¹

Схема 5. Элементы государственной политики

¹ Государственное управление: основы теории и организации. – М., 2000. – С. 127

Общество как объект государственной политики и управленческого воздействия тоже обладает особой иерархией. К его структурированию есть разные подходы. Во-первых, имеется принцип, согласно которому в качестве объектов регулирования выделяются некоторые сферы общественной жизни, отдельные части существующих ресурсов и соответствующие им направления государственной политики (экономическая, социальная, культурная, экологическая, образовательная, информационная и др.). Во-вторых, базой для классификации объектов госуправления может служить деление на различные социально-демографические, профессионально-квалификационные, этнические группы людей. Изменению их социального положения служит какое-то управленческое воздействие, в соответствии с которым осуществляется особая тендерная (по признаку пола), молодежная, этнонациональная и другая политика,

Таблица 3

**Субъектные уровни властных полномочий и руководящих функций
в государственном управлении**

Функциональная фаза Иерархический уровень	Выработка правил игры и целей, принятие стратегических решений (законодательная)	Принятие и осуществление оперативно-тактических решений (исполнительная)	Проведение судебного надзора, арбитража и контроля (судебно-контрольная)
Центральный	Парламент страны	Центральное правительство	Верховный, конституционный, арбитражный суды, генпрокуратура, омбудсман
Региональный	Провинциальные законодательные собрания	Региональное правительство	Суды, прокуратура провинций
Локальный	Муниципальные советы	Администрация муниципалитетов	Местные суды

или же, например, политика доходов и занятости дифференцированно по отдельным социально-профессиональным слоям населения. (См. таблицу 3)¹

В развитых странах государство почти всегда берет на себя особые

¹ Государственное управление: основы теории и организации. – М., 2000. – С. 150

социальные мероприятия, обусловленные тем, что постиндустриальная перестройка экономики требует государственных субсидий для переквалификации и поддержки работников устаревших, а значит, сворачивающихся отраслей, а также представителей выходящих из оборота профессий Дело здесь не только в гуманном отношении к человеку, сколько в рассчитанном намерении предупредить вполне вероятную общественную напряженность, нарастание кризисных политических субпроцессов.

Всякая государственная политика выступает комплексным феноменом, состоящим из действий многих выборных, назначенных или нанятых чиновников. В то же время в публичную политику вовлечено и множество отдельных граждан с их особым поведением.

Центральным блоком в общем механизме государственной политики принято считать принятие стратегических и оперативно-тактических решений.

Значение субпроцесса принятия государственных решений и для политической теории, и для практики столь велико, что саму власть и административное управление политологи часто сводят к реальному контролю над решениями, тогда как лиц, принимающих решения (ЛПР), особенно стратегического характера, относят к властвующей элите (Джон Хигли). Одним из первых, кто включил эту проблематику в политологию, был Герберт Саймон, работа которого «Административное поведение» (1947) заложила основы соответствующей специальной теории¹.

В научной литературе есть немало дефиниций категории политико-управленческого решения; и самые типичные среди них следующие. Во-первых, в соответствии с положениями теории рационального выбора (англ. rational choice) государственное решение - это определение единственной модели поведения из ряда альтернативных вариантов, т.е. выбор одного из минимум двух возможных действий. Во-вторых, в рамках так называемого деятельностного подхода государственное решение мыслится как

¹ Тавадов Г.Т. Политология. – М., 2002. – С. 328.

стремящийся к идеальному результату деятельности, имеющий обязательное значение в пределах конкретной компетенции, для чего органам публичной власти нужны оптимальные средства его проведения в жизнь.

В политологии обычно пользуются узким и расширительным вариантами определения границ (зоны) subprocessa принятия политических решений. Согласно первому из них, он лимитирован лишь теоретико-аналитическими процедурами и мыслительными операциями, завершающимися выбором оптимальной модели решения и ее достаточно жесткой формализацией, а также официальным утверждением. Вторая версия как бы раздвигает границы данного subprocessa, включая в него практические, технологические мероприятия по реализации решений. Тем самым все политическое управление и механизм государственной политики отождествляются с осознанным принятием и осуществлением государственных решений. При такой постановке вопроса из управленческого subprocessa фактически исключаются спонтанные факторы и стихийные регуляторы политической жизни.

Специальные концепции принятия решений тоже делят на два класса: 1) описательные (дескриптивные); 2) нормативные (прескриптивные). Разработки первого вида опираются прежде всего на эмпирические и, понятно, описательные исследования поведения лиц, принимающих решение, и взаимодействий политических акторов в конкретной ситуации. В рамках дескриптивного подхода может быть рассмотрена и деятельность отдельного политического лидера, мотивы и причины принятия того или иного индивидуального решения¹.

В политической науке широкую известность получили разные варианты анализа психологических факторов принятия решений президентом США в условиях стрессовых ситуаций (вроде Карибского кризиса в октябре 1962 г.), когда он берет на себя персональную инициативу и всю ответственность за реальные и вероятные последствия. Тщательно изучаются также установки и

¹ Тавадов Г.Т. Политология. – М., 2002. – С. 326-328.

мотивы группового поведения при принятии коллегиальных решений, когда, например, группа политиков выдает политическое решение, касающееся судеб миллионов граждан, как это было в случае с бомбардировками территории Югославии самолетами НАТО (конец 1990-х гг.).

Особенность нормативных концепций принятия решений - их сконцентрированность на разработке оптимальных правил и процедур, алгоритмов (т.е. системы строго определенных и последовательных операций) и формализованных моделей, в соответствии с которыми должен строиться субпроцесс принятия государственных решений. Эта модель ориентирована на рационализацию политических решений, поскольку рассчитанные по ее принципам стандартные алгоритмы призваны повысить эффективность выбора целей и средств их достижения, а тем самым - выбор оптимального для заданной ситуации решения. Слабость нормативного подхода состоит в преувеличении роли идеальных типов, рациональных моделей решения, в некоторой мере отстраненных от самих субъектов управления (их интересов, ценностей и установок), а также от оценок реальных иерархических отношений между ними.

Едва ли не первым известным историческим прецедентом возникновения иерархии субъектов государственного управления (или лиц, принимающих решения) был Египет эпохи фараонов. Уже тогда была сформирована так называемая египетская пирамида «послушных призыву», т.е. тех, кто обязан был выслушать и беспрекословно выполнить приказ вышестоящего начальника или своего господина. Один и тот же человек мог обладать двойным статусом: иметь своих «послушных призыву» и состоять одновременно в группе «послушных призыву» властителя более высокого ранга; таким образом создавалась иерархия управленческих страт. В одну из подобных групп входили лишь крупные сановники, придворные фараона, в другую, вместе со свободными, - рабы, в третью - только рабы.

Государственное управление невозможно без определения принципов взаимоотношений между его субъектами и объектами. К таковым относятся:

соответствие субъекта объекту; обратная связь между ними; соотносительность и «взаимооборот» субъектов и объектов в субпроцессе принятия политических решений. Первое правило объясняется тем, что зона легитимных полномочий и властной компетенции, к примеру, у парламентского комитета по социальной политике, должна распространяться на подготовку и проведение законопроектов по социальной сфере, но не затрагивать (кроме специальных случаев) функциональное поле комитета по оборонной политике или оперативное управление региональными биржами труда. То есть объем властных полномочий и ответственности государственного субъекта, принимающего решения, в идеале должен соответствовать характеру интересов и приоритетов управляемого социального объекта. Принцип обратной связи и самокоррекции решений определяет порядок, при котором управленцы или коллегиальные органы постоянно взаимодействуют со своим объектом руководства (молодежь, безработные, представители малого бизнеса и т.д.), периодически вносят поправки в отдельные решения, а при необходимости - и во всю государственную стратегию, в зависимости от успеха или неудачи в осуществлении правительством задач по какому-либо направлению его политики (социальная, экономическая и пр.). Вышеназванный «взаимооборот» напрямую связан с уже рассмотренной иерархией субъект-объектных уровней в государственной политике, с классификацией решений, критерии которой обусловлены ролями субъекта их принятия и объекта руководства, по поводу которого данное решение появляется, наконец, с самим характером их взаимодействия. Одна из интересных попыток типологизации политических решений была предпринята польским политологом Тадеушем Клементевичем. Он подразделяет решения по двум основаниям: кругу субъектов, участвующих в выборе политического действия, и уровню интеграции сферы социальных интересов объекта руководства или адресата решения¹.

В механизме принятия политического решения выделяются формальные и

¹ Элементы теории политики. – М., 1991. – С. 43.

неформальные звенья, официальные и неофициальные каналы его подготовки. В качестве иллюстрации - схема принятия политических решений на общенациональном уровне в современной Японии, имеющая несколько официальных институциональных уровней внеинституциональных звеньев (см. таблицу 4).¹ Для подготовки и принятия какого-то законодательного акта парламентом страны заинтересованной в нем корпоративной организации нужно пройти довольно длинный путь. Вначале предпринимательская структура выходит на административно-исполнительный аппарат, государственных бюрократов, общаясь при этом с секторами, департаментами и руководителями соответствующего отраслевого министерства. Затем проект решения в условиях правления Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии согласовывается с партийными функционерами в специальных советах по общим и политическим вопросам, в комитете парламентской политики и с высшим руководством ЛДП, ее парламентской фракцией и внутрипарламентскими кланами «дзоку». Лишь после этого проект законодательного решения выносится на дискуссию в парламент, попадая под критический анализ оппозиционных партий и СМИ. После соблюдения определенной процедуры обсуждения и голосования в парламенте, где

Таблица 4

Типология политических решений

Субъекты	Уровень интеграции интересов	
	Центральный	Локально-региональный
Граждане	Выборы в центральные органы Референдум и плебисцит	Выборы в местные органы
Официальные представители граждан	Законы и постановления парламента	Собрание и местный референдум жителей
Представительская форма	Программы социально-экономического развития	Местные программы социально-экономического развития
Активисты гражданских групп (общественные делегаты)	Решения высших органов партий, общественных объединений	Решения о местном бюджете

преобладает ЛДП, данный документ принимается в качестве нормативного

¹ Категории политической науки. – М., 2002. – С. 352.

акта.

Для принятия оптимального решения в государственной политике существуют два основных приема его выбора из альтернативных вариантов и вынесения вердикта: консенсус и голосование. Первый из них, способ консенсуса, весьма эффективен в тех случаях, когда интересы участвующих в принятии решения лишь незначительно расходятся, потому оно выглядит компромиссом между различными альтернативами, поддержанным всеми сторонами¹. Именно принцип «согласия всех» используется для принятия ключевых решений в Совете Безопасности ООН. Однако более распространена практика голосования для вынесения стратегических решений. Этот способ не ограничен только формальной процедурой подачи голоса, ибо включает в себя выяснение сильных и слабых сторон разных вариантов постановления, уточнение позиций лиц, принимающих решения, а также определение пропорций между большинством, меньшинством и промежуточными силами, участвующими в голосовании.

В целом субпроцесс принятия управленческих решений распадается на отдельные функциональные фазы (см. схему 6). Обобщенно можно выделить следующие из них:

1. Определение приоритетных проблем и формирование политической повестки дня. Вначале собирается, селектируется и анализируется предварительная информация, нужная для политического решения. Изучаются интересы и требования отдельных индивидов, социальных групп и общественных объединений, что позволяет наметить приоритеты для ожидаемых от правительства или других государственных органов действий².

2. Разработка и рассмотрение альтернативных вариантов политического решения общественных проблем обусловлены как объективной

¹ Варламова Н.В., Пахоменко Н.Б. Общественный консенсус: подходы к проблеме // Государство и право. 1992. - № 9. – С. 4.

² Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. – М., 1999. – С. 394.

потребностью в выборе наилучшего из нескольких возможных, так и субъективными устремлениями, давлением различных групп интересов, нередко конкурирующих между собой и пытающихся провести свои проект.

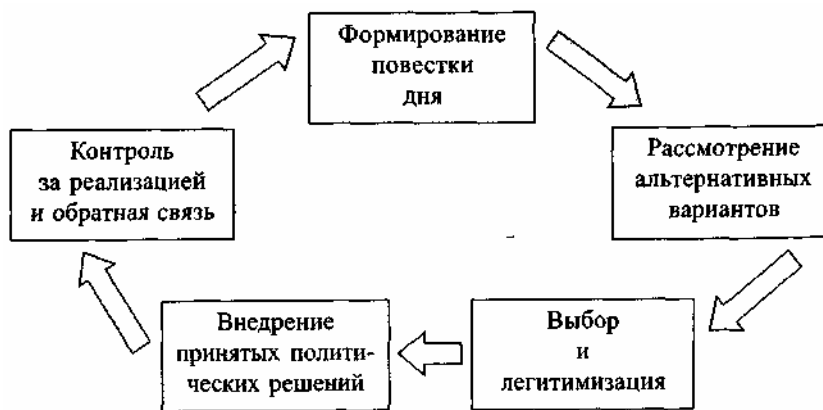
3. Окончательный выбор, формулирование и легитимизация государственного решения - основной этап рассматриваемого субпроцесса, технологически осуществляемый субъектами государственного управления путем голосования или консенсуса. Здесь решение приобретает общеобязательную форму для всех граждан, попадающих в сферу его компетенции.

4. Для реализации (или внедрения в политическую практику) принятых управленческих решений государственная администрация, в зависимости от режима данной страны, использует комбинацию способов (принуждение и убеждение) и отдельных социотехнических средств (манипулирование, маневрирование и т.д.).

5. Контроль за ходом осуществления решения и «обратная связь» с его результатами - фаза, завершающая весь цикл. Отсутствие подобных действий ведет к тому, что государственное решение либо искажается, либо просто перестает выполняться, либо даже приносит обратные его замыслу результаты. Сам же смысл контроля за реализацией решения заключается в постоянном сопоставлении практических мероприятий, технологических операций с исходной моделью политического решения, планами и программами. Контролю подлежит как выполнение законодательных вердиктов, определяющих различные нормы и процедуры поддержания институционального порядка в обществе (борьба с коррупцией, другими криминальными формами), так и постановления органов исполнительной власти, занятых оперативным распределением финансовых и материальных ресурсов согласно общим пропорциям, заложенным в госбюджете¹.

¹ Шаран П. Сравнительная политология. – Ч. 2. – М., 1992. – С. 43-45.

Схема 6 Фазы субпроцесса принятия политических решений

Практика осуществления государственных решений тесно связана с двумя уже обозначенными аспектами публичной политики: регулированием общественных ресурсов и институциональными способами, инструментальными средствами руководства людьми, а значит - с самим функционированием политического режима страны.

2.2. Политические элиты и их роль в консолидации демократии

В эпоху общественных перемен, происходящих в странах Центральной и Восточной Европы, существенно расширился радиус свободы действия «субъективного фактора», получившего шанс выбора между различными открывшимися историческими возможностями. От выбора господствующих политических элит во многом зависит направление развития стран, сценарий демократической интеграции также во многом зависит от возможности достижения консенсуса между интересами политических элит.

Имеются три базовых признака «структуры элиты»: разделенная элита, между частями которой происходят острые конфликты; монархическая элита, члены которой принадлежат к одной и той же партии и разделяют ее идеологию, и плюралистическая элита, объединяющаяся только вокруг ключевых ценностей политического порядка¹.

Элита находится в ситуации группового творца принципов перехода

¹ Охотский Е.В. Политическая элита: сущность, структура, проблемы становления. – М., 1995. – С. 27.

одной системы в другую. Идут постоянная борьба и политические игры для получения контроля над процессом трансформации. Политические элиты определяют ситуацию, характеризуют интересы общества и превращают их в политические цели. В то же время они имеют собственные интересы и собственные цели, что отражается на способе формирования дефиниций ситуации и на артикуляции общественных интересов.

Элиты, играя значимую роль в инициировании и развитии процессов, способствующих интеграции, могут много сделать и в инициировании процесса общественной дезинтеграции. Некоторые политики полагают, что и стратификация, общества, и возникающая на этом основании дезинтеграция являются, по сути, результатом целенаправленной деятельности политиков.

На первых порах трансформации главную роль играла согласованность в действиях элит. Идентификация их формировалась, главным образом, через взаимное соотнесение политиков и политических группировок. На следующем этапе ключевую для перемен роль играло общественное согласие, согласие на перемены. Элиты должны были прийти к соглашению с обществом. Самоидентификация элит, их представление о себе, должны были быть подтверждены обществом. Отношения «политическая элита - общество» кажутся основными для этого периода, поскольку общество, используя именно механизмы демократии, способно заблокировать перемены, поддержав политические силы, не желающие перемен. В это время политика осуществляется со ссылкой на традиционные ценности и общие цели. На следующем этапе - необходимо ведение политики, отвечающей уже интересам самой элиты. Отсюда принципиальное значение для элит имеет согласование спорных интересов.

Настоящая, истинная элита воплощает сущность нации (этноса), глубину его группового или национального мифа, мифологического сознания. Она занята тем, что постоянно объясняет своему социуму – в чем смысл его жизни. Она связана с традициями, временем и пространством. Она

здесь – воплощение личной ответственности. Она характеризуется своей внутренней традицией, этикой.

Перемены в Восточной Европе в 1989-1993 гг. модифицировали общественные структуры, унаследованные от социализма. Наряду с прежними появились новые структуры, вызванные к жизни рыночными преобразованиями. Молниеносные карьеры одних сопровождались снижением доходов, престижа и утратой чувства безопасности у других. Все это происходило в атмосфере рационального отхода от эгалитарных лозунгов и коллективистских стратегий успеха. В общественном дискурсе начала доминировать идеология индивидуального успеха, основанная на личностных предпочтениях и возможностях.

Вместе с демократизацией жизни возникли и новые каналы артикуляции интересов различных групп общества - политические партии. Процесс предполагает изменение системы, вызывает к жизни новые гражданские институты или наполняет новым содержанием те политические формы, которые являлись демократическими лишь, по определению (в том числе и сам парламент). В связи с этим политика представляется им средством системной трансформации. Политика понимается как своего рода «конструирование» социальной реальности или, как минимум, преобразование институтов гражданской жизни, а в результате - преобразование состояния общества. В этот процесс общество должно быть включено и мобилизовано. Роль политиков - это роль стратегов, пытающихся достичь определенные рациональные цели¹.

Стратегическая цель политических элит определяется, тем, что политическая элита должна взять на себя ответственность за реализацию преобразований государственного строя.

Проблема эффективности деятельности элит связана не только с их управленческими действиями, но и целым рядом важных для их

¹ Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. – М., 1999. – С. 120-121.

самоутверждения и властного позиционирования аспектов. Прежде всего следует выделить те действия, которые определяют уровень их сплоченности и ведут к внутренней консолидации. Далее необходимо отметить значимость взаимодействий элит с обществом, определяющих их авторитет и легитимность, доверие общества и формирующих совместные или близкие системы ценностей. От уровня развития этого внешнего контура консолидации зависит эффективность властного позиционирования. Весьма важна социально-управленческая результативность действий элит, использующих с большей или меньшей эффективностью государственные и правовые институты и структуры управления. На общий фон представлений об эффективности деятельности элит существенно влияют результаты их внешнеполитических действий, возможности влиять на геополитическую ситуацию и отражать угрозы национальной безопасности. Для анализа и обсуждения данных сюжетов, в которых административно-политические элиты не только проявляют себя в профессиональных, волевых, интеллектуальных ролях, но и позволяют вынести оценки их элитной миссии и элитным качествам, накоплен, на наш взгляд, необходимый материал¹.

Борьба и компромисс являются самыми распространенными аспектами политики. В политических концепциях они противопоставляются и часто являются формами совершенно противоположных типов индивидуального и массового поведения. Существуют и процессы перерастания одной формы в другую. Можно предположить, что переход от острой борьбы к реальному компромиссу является одной из черт демократической политики и одним из важнейших умений политиков.

Можно утверждать, что одним из тормозов политики преобразования становится то, что депутаты увязают в повседневных, неотложных задачах. Так, например, в Польше образ общества в ответах депутатов характеризуется высокой степенью абстрактности. Трудно считать их

¹ Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. – М., 2000. – С. 57.

адекватным отражением тех конфликтов, проблем, которые пытается решить обыватель. Депутаты предпочитают оперировать обобщенными представлениями об общественных настроениях, почерпнутыми из чтения результатов зондажей массового сознания или из личных наблюдений, не обращаясь к «твердым» показателям - экономическим или социологическим¹.

В современном российском элитном сообществе доминирующие позиции занимает административно-политическая элита, вертикально структурированная (федеральный, региональный и местный уровни) и использующая властный ресурс для контроля и влияния за другими элитными (бизнес-элита, военно-силовые группировки) и субэлитными группами (интеллектуалы, информационная и культурная субэлиты, духовенство, руководящий слой этнических групп). Характерной для рекрутации элитного слоя стала ротационная схема: «административно-политическая элита - бизнес-элита» и высокая степень слияния этих двух элитных фракций.

Анализ деятельностных и кратологических особенностей современных российских элит, рассмотрение их позиционирования по отношению к гражданскому обществу позволяет говорить о тенденции формирования элитократии - сообщества элит, сконцентрировавших основные ресурсы власти и собственности и практикующих манипулятивные воздействия на гражданское общество, реализующих интересы гражданского общества по остаточному принципу.

Эффективность деятельности элит связана с двумя взаимодополняющими и взаимопроникающими аспектами: властным и социально-управленческим. Властная составляющая эффективности определяется степенью легитимности и способностью сохранять властное позиционирование. Управленческая - степенью организованности, целеориентированности, результативности и затратности в масштабах управляемой социальной системы.

¹ Голенкова З.Т., Ладодо И.В. Мир политической элиты. – М., 1996. - С.323.

В современных условиях эффективность властного доминирования связана с критериями объема социальной базы поддержки, масштабами политической активности и участия граждан, уровнем политической конфликтности и напряженности в обществе, степенью сплоченности элиты.

Основными факторами, позволяющими обеспечить консолидированные, организованные и целенаправленные действия административно-политических элит на уровне властного позиционирования являются технологии политического управления. К ним следует отнести: технологии индуцирования новых политических ценностей; технологии выработки политических целей и стратегий; технологии консолидации субъекта политического управления; технологии поиска объекта политического управления и легитимации его субъекта; технологии мотивирования объекта политического управления; технологии опосредования политического управления; технологии блокирования дисфункций в субъекте и объекте политического управления; технологии реабилитации управленческих затрат; технологии контроля и оценки эффективности управления и сопутствующей деятельности и их коррекции. Объем задействуемых технологий характеризует степень развитости и результативности прилагаемых управленческих усилий.

К данным положениям следует также добавить принцип консолидирующих механизмов в элитогенезе и функционировании элит. Ибо без установления реальных механизмов, позволяющих элитным группам возникнуть и успешно конкурировать между собой, бороться за власть и эффективно использовать ее, неясны факторы, которые способствуют тем или иным элитным группам сплотиться в «правлящий класс» и достаточно долго (десятилетиями, а то и столетиями) оставаться у власти¹. Предварительный анализ позволяет утверждать, что существует несколько весьма эффективно действующих механизмов консолидации. К ним, прежде всего следует отнести механизм совместных интересов, общей идеологии,

¹ Тавадов Г.Т. Политология. – М., 2002. – С.232.

культуры, а также административных технологий. Можно выделить следующие разновидности элит: элита «львов» и элита «лис»; открытая и закрытая; консолидированная элита и элита, внутренне конфликтующая; системная и внесистемная; федеральная, региональная и местная¹.

Сложившаяся в 90-е гг. XX в. социально-экономическая ситуация, связанная с решением задач приватизации основных ресурсов общества, обусловила формирование «перевернутой» формулы российской власти. В ней поменялись местами публичная и теневая стороны. Публичная надолго стала лишь прикрытием теневой, основными задачами которой стали: удержание властных полномочий и решение внутренних проблем «правлящего класса», связанных прежде всего с его укоренением в экономике и политике.

Сопоставление социального контекста и факторов нового российского элитогенеза позволяет не только понять перспективы «ростков нового» на уровне элит, но и истоки их отчуждения от общественных интересов, а также воспроизводства стилевых поведенческих форм, которые, казалось бы давно ушли в прошлое.

Специфика распределения российского «властного капитала» (и ныне, и в номенклатурные времена) состоит в монополизации властных функций узким кругом лиц, в существовании формального или неформального «политбюро» - центра политических решений. Далее - включение (зачастую неформальное) в «высший» состав лиц, входящих в околоэлитное окружение, но не имеющие формальных элитных прерогатив (помощники, советники, начальники вспомогательных служб (например, охрана), политических обозревателей и консультантов, редакторов газет, лечащих врачей, родственников). Серьезное воздействие на подготовку и принятие решений оказывают аналитико-информационные отделы и службы, осуществляющие работу с информацией и документами и ведающие правом доклада

¹ Тавадов Г.Т. Политология. – М., 2002. – С. 232.

руководству или допуска на доклад: канцелярия, общий отдел, Администрация Президента - вот примерно эквивалентные по значимости структуры, обслуживающие высшую власть России и серьезно влияющие на принятие государственных решений. В составе групп влияния на власть присутствует большое число полуэлитных, неэлитных и непрофессиональных элементов, которые проще обозначить старым и понятным русским словом - «двор». Власти недостает рационально-бюрократических признаков. Отмеченные особенности высшей политической элиты России проецируются по вертикали - на высшие политические эшелоны регионального уровня и по горизонтали - на другие центры власти (правительство, парламент, центральные аппараты политических партий и общественных движений)¹.

Важным в характеристике политических элит выступает анализ механизмов формирования, выстраивания карьерной лестницы, инфильтрации элит между собой. Новая российская элита прошла период «первичной стабилизации», и в значительной мере «утрамбовалась». Элита от открытого состояния опять постепенно движется в состояние закрытости. Действует в полной мере тенденция «аристократичности», открытая Москвой. Внутри ее высшего эшелона возможны и неизбежны перестановки, но они связаны не с прорывами совершенно новых, свежих сил, а с перегруппировкой первого более возрастного эшелона и второго - более молодого.

Этот этап, с одной стороны, сближает современную российскую элиту с институционализированными формами воспроизводства и продвижения, характерными для западных элит. Но с другой - сохранилась преемственность с номенклатурной ротацией кадров. Типичной стала ротационная кадровая схема: «политическая элита - административная элита - бизнес- элита». Она как бы воспроизводит в обратной последовательности

¹ Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит. – Ростов-на-Дону, 2003. – С.15

прежнюю номенклатурную схему «хозяйственный руководитель - административный работник - политический руководитель». Олигархические тенденции в системе политической власти выглядят следующим образом: (власть-бизнес-СМИ).

Признаки современного российского олигарха:

1. Наличие политического влияния на федеральном уровне;
2. Возможность прямого выхода на Президента России;
3. Способность профинансировать избирательную кампанию;
4. Владение собственностью федерального значения;
5. Влияние на СМИ федерального значения;
6. Наличие авторитета и признания среди других олигархов.

Первоначальное сближение государства и капитала проходило по линии сближения с наиболее крупными банками, бизнес структурами, способными взять на себя функции государства.

Во время избирательной кампании Ельцина новая экономическая элита установила связи с высшим политическим руководством, а после выборов ее представители вошли в состав правительства: В. Потанин, Б. Березовский, М. Лесин.

Консолидация новой экономической элиты определяла самоорганизацию групповых интересов бизнеса. «Сверхэлита» опередила других в отношении связей с государством.

У новой экономической элиты низкий уровень внутренней консолидации, они устанавливают индивидуальные связи с властью.

Указанная особенность, с одной стороны, маргинализирует элиты, а с другой - за счет повышенной циркуляции и инфильтрации повышает степень их корпоративности. В этом отношении новая российская политико-административная элита ближе к номенклатурной, нежели к западному типу политико-административной элиты.

Современная политическая элита России так и не смогла «капитализироваться» и по-прежнему действует административными

методами в руководстве политическими и экономическими процессами.

Они направлены не на создание и приращение новых возможностей, а по-преимуществу, на передел и перераспределение имеющихся ресурсов. Доминирующей остается перераспределительная черта.

Стилевые характеристики деятельности российской политической элиты могут быть дополнены также сопоставлением используемых у нас и на Западе методов управленческого воздействия. В этом плане для российской элиты сохраняется приверженность программно-целевым подходам. Это отражает не только преобладание технократических характеристик в ментальности элит, но и действие ряда объективных факторов.

Анализ политических, социально-экономических и цивилизационных особенностей развития России показывает, что, в отличие от западных государств, для российской действительности программно-целевой метод политического управления оказывается наиболее адекватным и единственным, позволяющим сохранить государственную целостность и идентичность в условиях сложившихся геополитических и географо-климатологических реалий. Что касается социально-представительского типа управления, к которому тяготеет Запад, то он более адекватен для развития России на региональном уровне, да и то - не повсеместно (значительная часть северных и восточных регионов не сможет длительное время существовать без опоры на программно-целевые методы и на региональном уровне)¹.

Что касается новой конфигурации российских политических элит, начинающей просматриваться в последнее время не только в связи со сменой лидера (президента), но и в связи со значительными изменениями (внутреннего и внешнего политического порядка, она выглядит следующим образом:

- обращается внимание на значительное восстановление роли и места силовых элементов в составе политических элит;

¹ Понеделков А.В. Старостин А.М., Игнатов В.Г., Охотский Е.В. Административно-политическая элита региона. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 196-197.

- это также обусловлено, с одной стороны, существующими геополитическими реалиями и значительной утерей Россией военно-стратегических ресурсов и прежнего военно-политического имиджа, который продолжал ее предохранять от традиционных для ее истории угроз безопасности. С другой стороны, речь следует вести о создании долговременных гарантий новому классу собственников, которые в существенной мере создает именно силовая составляющая государственной власти.

Обстановка в государстве после почти 15 лет демилитаризации, разгосударствления, деидеологизации, многочисленных экономических и правовых реформ подошла к той грани, когда и в общественном мнении населения, и в сознании элит однозначно на первые места среди возможных угроз вышли факторы личной, общественной и государственной безопасности и самосохранения.

Что касается России, то здесь период 15-летнего исключения силового и военно-промышленного влияния на власть является скорее исключением из ее многовековой традиции.

Укрепление политического положения и авторитета силовой группировки может быть связано также с программой мер по строительству правового государства с укреплением закона, порядка и ответственности, борьбе с преступностью, популярными и в то же время ожидаемыми видятся шаги по установлению контроля над теневой экономикой, укрепление государственного сектора экономики и частичное перераспределение крупной собственности.

Касательно других изменений в конфигурации элит следует подчеркнуть продолжающееся замещение влияния научно-технических и гуманитарных элит информационной элитой. Вместе с тем она поставлена в определенные иерархические рамки. С позиций внешней независимости и амбициозности, пожалуй, переведена в ранг «отдела пропаганды». Прежняя претензия на выполнение роли гражданского общества, независимого и

неприкасаемого социального критика отставлена политико-административной элитой и конвертирована в инструмент обслуживания власти.

Параллельно аналогичные процессы связаны с местом и ролью гуманитарной интеллигенции. Что касается научно-технической интеллигенции, которая за годы реформ быстро была переведена в ранг субэлитной группы, то, по-видимому, приближается время ее возвращения и представительства в элитных группах и околоэлитном окружении.

Наблюдаемые изменения в конфигурации политических элит России во многом связаны с отходом от периода демократически-революционной романтики и прагматизацией политического управления. Эпоха экономических поисков, политических проб и ошибок не оставила новому поколению политиков практически никаких ресурсов, кроме административных.

Отмеченные тенденции российского элитогенеза и его социального контекста позволяют отметить специфичные отношения властвующих элит и общества, которые сформировались в России. Они свидетельствуют со своей стороны не только о развивающемся процессе ретрадиционализации общественных отношений, но и о тенденциях авторитаризма, которые свойственны для развития российских элит на всех уровнях¹.

В этом контексте представляется возможным ввести термин «элитократия», под которым имеется в виду не только традиционно понимаемая политико-властная и политико-управленческая концентрация значительного потенциала и ресурсов влияния на общество в руках элит, но и стремление элит к выделению и обособленному существованию во всех основных сферах социального бытия. Она же концентрирует в своих руках не только политическую власть, но и право распоряжаться основной частью богатства и ресурсов общества, а также свободой и жизнью граждан, которые

¹ Факторы эффективности функционирования федеральных органов власти в регионе. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 171.

не делегировали этих прав никому, как и прав распоряжаться общенациональным достоянием и ресурсами. Думается не случайно термин «элита» воспринимается в российском общественном мнении по преимуществу с негативным оттенком.

По существу в российских условиях элитные группы выделились и из состава гражданского общества, и из состава политического общества. В связи с этим приходится иначе рассматривать и соотносить структуру социально-политических интересов с механизмами политического общества. Сюда необходимо вносить отклоняющее и деформирующее действие элитных групп. Именно этим элитократическим воздействием возможно объяснить сложившуюся в современной России деформирующую систему представительства социально-политических интересов, в которой действует многократная система фильтрации.

Два важнейших элемента перехода - трансформация старых структур режима функционирования в новые политические институты и структуры, действующие на основе демократических процедур, и достижение консенсуса политических сил общества до настоящего времени так и не были реализованы. В стране так и не произошло формирование реальной многопартийной системы, отражающей социальную дифференциацию общества.

Из-за отсутствия демократических традиций очень быстро реформирование превратилось в объект манипуляций со стороны политических лидеров. Выборы, проводящиеся в условиях манипулирования средствами массовой информации со стороны власти, отсутствие реального разделения властей, привели к установлению режима, балансирующего на грани демократии и авторитаризма¹.

Анализ современной политической ситуации показывает, что торможение процесса демократизации не носит необратимого характера и с за-

¹ Власть, 2004.- № 6. – С. 17.

вершением перераспределения собственности может приобрести новые стимулы развития при условии формирования действенной партийной системы, имеющей возможности реальной состязательности и отражающие интересы широких социальных групп. Формирование партийной системы через свободные многопартийные выборы создаст возможность принять демократическую конституцию, как результат совместной разработки и различных социально-политических групп, утвердить демократические процедуры и таким образом содействовать сплочению общества. Дальнейшее продолжение процесса демократизации видится в новом усилении значения законодательных структур и независимой судебной власти, как арбитра в сотрудничестве с исполнительной властью.

Пройдя за короткий срок довольно длинный путь развития, демократическое движение оказалось не в состоянии самостоятельно сформироваться как контрэлита, сплотиться в мощный и широкий блок, поддерживающий демократические перемены, выдвинуть программу подлинной демократии, опирающуюся на критический тип мышления, терпимость к инакомыслию, плюрализм мнений. В стране развернулась острая политическая борьба внутри демократически ориентированных сил, приведшая их к расколу. Политическая элита, сформировавшаяся в основном из представителей старой номенклатуры, сумела подчинить движение своему контролю и манипулировать им. В массовом сознании укоренилась мысль, что все происходящее и есть «демократия», вызывая в обществе ностальгию по «сильной руке». Усилилась тенденция к девальвации демократических ценностей, способной дискредитировать идею демократии на долгое время.

В процессе консолидации новой правящей элиты важнейшее место занимает кристаллизация экономических элитных группировок. В современной ситуации основное содержание экономических и общественных реформ связано с процессом перераспределения и приватизации собственности. Обладание властью порождает собственность, что не смогло не привести к стремлению управленческой элиты установить

собственное экономическое господство. Его источником явились функции аппарата, связанные с контролем над процессами приватизации, распределением бюджетных, инвестиционных и кредитных ресурсов, подготовкой и принятием соответствующих нормативных документов и законодательных актов. В последнее время достаточно ярко проявилась тенденция дальнейшей трансформации правящей элиты, связанная с отсутствием институциональных и идеологических ограничений на собственную экономическую деятельность для представителей управленческой элиты.

Другой особенностью функционирования новой политической элиты явилось полное неприятие высшими эшелонами власти реформаторской программы на основе конструктивного сотрудничества с оппозицией из-за боязни подрывать свои властные позиции, стремление удержать их любой ценой. Неприятие и враждебное отношение к левой оппозиции, характерное для идеологов реформы, привело к враждебному восприятию всякой критики проводимых экономических реформ и отношение к оппонентам своего курса только как к политическим противникам. Противостояние спровоцировало усиление авторитарных методов управления и, как следствие, сужение поля возможного перехода к демократии.

Раскол общества неизбежно еще больше углубится, противоречия будут концентрироваться внутри казалось бы всевластных исполнительных структур, лишая их дееспособности и делая заложником борьбы политических клик. Преодоление структурного экономического кризиса неизбежно потребует создания механизма принятия решений, базирующегося на согласии в обществе¹. Элита в условиях резкой поляризации общества неизбежно будет вынуждена консолидировать свои силы через серию кооптаций и перегруппировок переговоров и консенсусов между своими частями и примыкающими к ним группами. С этой точки

¹ Взаимодействие элит в социально-политическом пространстве России. – Ростов-на-Дону, 2001. - С. 20-43.

зрения неизбежно движение к установлению парламентской республики как наиболее эффективной форме правления в расколотом и поляризованном обществе.

Парламентская система - кабинет, ответственный перед законодательным органом, - вынуждает политиков искать компромисс, стимулирует создание коалиций, расширяя сферу согласия в обществе. Парламентская система структурирует политическое общество, обеспечивая элите стабильное положение. Движение к этому неизбежно, но лишь с завершением перераспределения собственности. Пока элита не разделит собственность в полном объеме, возврат к демократическим процедурам невозможен.

Вопрос выживания новой политической элиты в перспективе связан с созданием условий для существования стабильных политических партий и, в первую очередь, партии власти, перехвативших функции лобби и групп интересов, что неизбежно связано с усилением роли формальной системы представительной власти, с другой стороны, это же невозможно без завершения раздела собственности и наступления нового этапа - этапа стабилизации режима.

Но в то же время важную роль в продолжении процесса демократизации должно сыграть обновленное демократическое движение, избавившееся от своих радикальных крыльев и наполнившееся истинным содержанием. Самоидентификация этого движения, дающая возможность консолидации, должна строиться не на той или иной идеологической доктрине, а на признании его участниками в качестве высших ценностей - демократическую процедуру передачи власти, отказ от силового подавления своих политических противников, важность политической роли оппозиции, свободное соревнование в рамках закона различных взглядов и идей, безусловный отказ от авторитарной альтернативы¹. В современных условиях этот путь трудный и не быстрый, но единственно возможный, если иметь в

¹ Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. – М., 1999. - С. 265-269.

виду дальнейшее движение по пути демократизации российского общества.

Новая политическая элита оказалась социально и профессионально связана со старой, в недрах которой она в значительной мере была рождена и выкристаллизовалась. У новой элиты, несмотря на публичные декларации о полном разрыве со старым режимом, сохранилась преемственность в виде заимствования идей, обычаев, ценностей, традиций, методов управления. Несмотря на новые символы и лозунги, новая политическая элита воспроизводила старые воззрения на власть старую политическую практику как через носителей старых традиций и взглядов, включенных в новую правящую верхушку, так и через идейную и нравственную слабость новой элиты, лишенной, по большей части, демократических убеждений. Испытанные методы управления представлялись ей в условиях углубляющегося кризиса наиболее действенными. К тому же подталкивала ее логика удержания политической власти. Положение правящей заставило ее использовать такие средства и методы, которые в процессе предшествующей борьбы отвергались ею из тактических и моральных соображений.

Осуществление политической модернизации, курса экономических реформ России сопровождалось усилением роли исполнительной вертикали власти в политической системе, по можно рассматривать как весьма существенный фактор формирования и институционализации политических элит в современной России. В настоящее время важной особенностью политической элиты явилось сохранение характерных для доперестроечной эпохи довольно жесткой иерархичности, ориентации на влиятельные фигуры административных и политических структур. Это предопределяет клановый характер взаимоотношений в элите, стремление ее закрыться. Следствием клановой модели политического поведения является все большее господство бюрократическо-управленческой элиты, в определенной степени перехватывающей некоторые политические функции, подчеркивая дистанцирование от партий и движений и стремление эффективно, компетентно и профессионально решать насущные задачи.

В конкретной исторической и политической обстановке при изменении существенных характеристик политической ситуации меняются и функции политических лидеров, их способности и качества, а также реструктурируется и преобразуется вся элита. Анализ российских элитарных слоев отражает динамику их радикальных изменений в переходный период. Развитие демократии и утверждение политического плюрализма создало в стране благоприятные условия для формирования российской многопартийной системы. С ее помощью открыто и гласно стало рекрутироваться большинство политической элиты.

Российские элитарные слои претерпели значительные изменения. Во-первых, они стали более образованными: подавляющее их большинство закончило ведущие вузы страны, многие имеют степени докторов и кандидатов наук. Во-вторых, решения Президента России как избранного и поддерживаемого народом политика оказывают более эффективное влияние как на все население страны в целом, так и на политическую элиту.

Российские политические элиты все больше начинают формироваться и развиваться, подчиняясь законам функционирования демократических правовых государств. Но, опыт, накопленный западными демократиями (этика элит, демократический контроль элит), утверждается в России с большим трудом.

2. 3. Особенности консолидации демократии в России

Реформирование российского общества во второй половине 90-х годов сопровождалось политической и экономической нестабильностью, высоким уровнем идейного и политического противостояния. При этом уровень политической напряженности постоянно изменялся, а вместе с ним менялось и отношение населения к реформам.

Уровень демократизации сознания россиян за вторую половину 90-х годов не стал ниже, а в чем-то повысился. Эта особенность делает нынешний социальный контекст более благоприятным для осмысления пройденного

пути и восприятия опыта, накопленного другими демократическими системами.

В отношении к демократическим реформам наблюдается раздробленность, размытость и несогласованность политических убеждений, ориентаций и установок. В результате ни одно из мнений не может получить весомого большинства. Важно также учитывать, что в понятия «мало демократии» или «много демократии» нередко вкладывается разное содержание даже сторонниками одного и того же политического течения¹.

Разобщенность, раздробленность и перепады настроений присущи сегодня массовому политическому сознанию в целом. В этом проявляется противоречие, нередко полярное отношение людей к одним и тем же явлениям и событиям политической и экономической жизни, которые по-разному затрагивают их интересы и потребности. Кроме относительно устойчивых групп, неизменно придерживающихся вполне определенных убеждений и взглядов, многие могут по одним вопросам занимать демократические позиции, по другим – отличные от них. Это, несомненно, свидетельствует о переходном типе политического сознания, но в то же время говорит и о неадекватности существующих идейно-политических конструкций требованиям времени. Самым ярким, самым настойчивым и очевидным из этих требований является требование актуализации интеграционных и стабилизационных процессов, то есть требование единства и порядка консолидации общества.

Следует признать, что в России в начале 90-х годов произошла либерально-демократическая революция наподобие тех, которые происходили в странах в Восточной и Центральной Европы в самом конце 80-х годов. Ее результатом явилась не только смена власти и изменение формы собственности, но и смена всего социального строя².

¹ Пшизова С.Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе (II) // Полис. – 2000. - № 3. – С. 9.

² Иванов В.Н. Россия: социально-политическая ситуация. (Национальный и региональный аспекты). – М., 2000. - С. 4.

России предстоит переход от хаотических трансформаций к выверенной модели интенсивного развития на базе новейших технологий и новейшей техники, но осуществить его можно только оставаясь в рамках российской цивилизационной парадигмы¹.

Неслучайно, что сегодня все больше исследователей обращаются к проблемам цивилизационным, подчеркивая, что понять происходящее сегодня в многонациональной России (и тем более перспективы её развития) невозможно вне рамок цивилизационного анализа².

Практически все нынешние институты и системы государства и общества имеют неустойчивый, переходный характер. Это создает предпосылки как для авторитарной, так и для демократической тенденции стабилизации государственного устройства и политической системы. Вся проблема в том, какая из этих двух тенденций возьмет верх. Но главным критерием выбора пути должно стать завершение переходного периода с результатами, позитивными для большинства российских граждан.

Траектория социально-экономического и политического развития России в последние годы рассматривалась преимущественно в рамках двух парадигм: запаздывающей модернизации (или модернизации вдогонку») и демократического транзита. На первом этапе политического развития России как самостоятельного государства (1991-1993 гг.) преобладала логика и риторика транзита, выполнявшая, помимо прочего, мощную мобилизующую функцию в борьбе против главного на тот момент «врага» - партийной бюрократии («партократов»). Оформление институционального дизайна завершилось с принятием Конституции РФ (декабрь 1993 г.), ставшей правовой основой суперпрезидентской республики. Очевидные всем недостатки как содержания, так и процедуры ее принятия объяснялись тем, что Конституция принята «на переходный

¹ Иванов В.Н. Россия: социально-политическая ситуация. (Национальный и региональный аспекты). – М., 2000. - С. 7

² Иванов В.Н. Россия: социально-политическая ситуация. (Национальный и региональный аспекты). – М., 2000. - С. 7.

период», рамки которого не уточнялись, а изменения в нее не приветствовались. На втором этапе (1994-1998 гг.) происходило совершенствование некоторых правовых и политических институтов и процедур, в частности, принципов формирования Совета Федерации, законодательства о выборах, о местном самоуправлении, а также оформлялись (посредством двусторонних договоров) отношения между федеральным Центром и субъектами РФ. В триединстве российского транзита (демократические политические преобразования, экономические реформы, строительство федеративного государства) ведущей компонентой на всем протяжении оставалось экономическое реформирование, прежде всего финансовая стабилизация, структурная перестройка экономики.

В рамках парадигмы запаздывающей модернизации нынешние итоги также выглядят малоутешительными. Из трех основополагающих процессов - модернизация общества, структурная перестройка экономики и освоение новой информационной научно-технической волны - состоялся, да и то с известными оговорками, лишь первый. Общепринятые критерии завершения переходного периода - устойчивый экономический рост, стабилизация социальной структуры за счет увеличения доли средних слоев, стабилизация политических структур и институтов - еще далеко не достигнуты.

Политический процесс в современной России представляет собой крайне сложное и многогранное политическое явление, анализ которого требует исследования глубинных корней и специфики развития российской политической системы.

На протяжении своего существования российское общество, а вместе с ним и его политическая система прошли два завершенных этапа:

- 1) от начала государственности до 1917 г. - период крайне медленного «сползания» к либерализму от характерного для России традиционализма;
- 2) 1917-1991 гг. - период существования советской политической

системы, в которой проявились крайние формы гибридных образований, соединявших элементы двух цивилизаций.

После 1991 г. состояние политического процесса в России можно определить как переходное от советской политической системы (где влияние традиционализма было весьма ощутимым) к типу политической системы, основанному на ценностях западного либерализма. Это выражалось в смене форм политического участия - произошел переход от мобилизованного участия к автономному. Наблюдалась также смена типов принятия и реализации политических решений в направлении их демократизации. Кроме того, проявилась определенная склонность к популизму и радикализму в реализации политических решений, что характерно для переходных процессов.

Переходный политический процесс можно определить как период, в течение которого один тип политической системы заменяется другим под воздействием множества национально-специфических (особенности менталитета, экономического развития и т.п.) и интернациональных (геополитических, международно-правовых и др.) факторов. Возможны два альтернативных варианта переходных процессов, каждый из которых можно отразить смысловым рядом: 1) революция - трансформация - реформа (восходящая линия развития), 2) критическая ситуация - кризис - катастрофа (нисходящая линия).

В настоящее время мы наблюдаем завершение перехода к 3-му этапу, сущность которого состоит в сочетании элементов российского традиционализма (с его ориентацией на авторитаризм) и западного либерализма. С конца 90-х годов прослеживается попытка творческого прочтения достоинств обеих цивилизаций. В этом направлении осуществляются реформы, предпринятые Президентом России В.В. Путиным, цель которых - преодоление системного кризиса и укрепление государства. Первые шаги сделаны в сфере усиления властной вертикали, устранения препятствий на ее пути, на очереди - проведение экономической реформы.

Несмотря на трудности процесса российской трансформации в последнее десятилетие, оценки ее результатов достаточно однородны. Совокупность вызовов угроз, адресованных сегодня России, такова, что главным условием адекватного ответа является консолидация общества. В соответствии с теорией модернизации, и демократического перехода главную роль на стадии консолидации играют индивидуально-психологические (т.е. личностные) и политические факторы. Иными словами, консолидация в современной России возможна вокруг нового президента как главного институционального центра власти и, соответственно, его нового курса, поддержанного как элитами, так и обществом.

В оценке нынешнего положения страны впервые за долгие годы совпали позиции как власти, так и оппозиции. При этом за основу взяты не идеологизированные утверждения о степени демократизма или рыночности тех или иных мер, а универсальные показатели иерархии развитости государства, оспаривать которые с идеологических позиций невозможно. Этот факт рационализации политического курса можно только приветствовать.

Вместе с тем различные политические силы России по-разному смотрят на причины такого положения вещей. Политики правой и правоцентристской части политического спектра продолжают привычно винить во всех бедах экономическую систему советского типа с присущим ей чрезмерным упором на развитие сырьевого сектора и оборонных отраслей, недостаточным вниманием к современным отраслям экономики (информатике, электронике, связи), недопущением конкуренции и подавлением инициативы.

Другая позиция состоит в том, что причиной падения потенциала России и всех неудач последних лет явились ошибки в выборе и осуществлении стратегии реформирования российской экономики.

Выработка и реализация нового политического курса будут зависеть

от того, насколько удастся сблизить эти оценки и сделать ключевые положения нового курса приемлемыми для основных политических сил и влиятельных социальных групп.

На сегодняшний день в кругах российской элиты сложился ритуальный консенсус на лояльность В. Путину. Даже в отсутствие внятной экономической программы и стратегии укрепления государственности нет серьезной политической оппозиции, от имени которой откровенно высказывалась бы критика или несогласие с предлагаемыми мерами. Это связано как с материальными, меркантильными соображениями многих депутатов и губернаторов приблизиться к будущей «партии власти» или войти в ее ряды, так и с тем, что монизм власти остается приоритетным конструктом сознания российского правящего класса и доминирующим принципом политической практики.

Все более популярной в интеллектуальных кругах становится точка зрения о том, что окно возможностей для нового президента ограничено двумя сценариями: движением к полномасштабной демократии либо через авторитаризм, либо через управляемую демократию. Более предпочтителен второй вариант, обходящийся без замораживания деятельности демократических институтов и ограничения некоторых политических и гражданских свобод.

Первая линия конфликтного взаимодействия - это сфера государственного строительства («укрепление государственности»). В силу специфики своего политического происхождения команда нового президента именно укрепление государства рассматривает как главный инструмент общественных преобразований.

В условиях, когда нет сильной государственной власти и общенациональной идеологии, происходит возрождение «исторически первичных базовых идентичностей».¹ В условиях системного кризиса

¹ Яковенко И. Распад России как предмет осмысления // НГ - сценарии, 1999. - № 10. - С. 6.

базовые специфические национальные и региональные идентичности становятся своеобразными центрами консолидации¹.

Другая конфликтогенная сфера - экономика, отношения собственности, превращенные усилиями реформаторов в игру «с нулевой суммой». Вопрос о собственности давно уже стал ключевой проблемой страны, причем не только в экономическом, но и в политическом смысле - его острота и масштабность могут серьезно нарушить даже относительную политическую стабильность. Судьба процесса демократизации в России предопределяется широтой его социально-экономической базы. Известно, что в случаях, когда собственнический статус меньшинства обретается за счет обнищания большинства, возникает так называемый низовой этатизм, когда массы адресуются к государству с определенным социальным заказом - ликвидировать с помощью власти те завоевания гражданской автономии, которыми воспользовалась одна лишь верхушка нуворишей. В России такой заказ уже артикулирован и на уровне части элиты, и на уровне массового сознания.

Третья сфера конфликтного взаимодействия - взаимоотношения с Западом. Запад долгие годы оставался главной для российской элиты и части общества референтной группой, главным инвестором и кредитором российских реформ, а также самым желанным стратегическим партнером, Сегодня - и в России и на Западе - эти отношения подвергаются определенному пересмотру с акцентом на больший прагматизм. Вместе с тем в условиях, когда мир переживает процессы глобализации и интеграции, с одной стороны, и фрагментации национальных государств - с другой, невозможно никакое обособленное развитие.

Наконец, взаимоотношения политических элит как зона конфликтогенности. Сегодня обозначилась тенденция к властному монизму, преклонение перед силой как доминирующая установка поведения и

¹ Иванов В.Н. Россия: социально-политическая ситуация (национальный и региональный аспекты). – М., 2000. – С. 8.

центральной, и региональной элиты, и населения.

Новый этап развития России не будет бесконфликтным. Стабильность переходного общества — это стабильность его изменения; сохранение же в переходную эпоху status-quo свидетельствует об общественном неблагополучии. Проблема состоит в том, чтобы сделать изменения упорядоченными, отвечающими интересам большинства, и разрешать возникающие при этом конфликты мирными, ненасильственными способами. На стадии консолидации демократии велика роль прецедента, создаваемого лидером и политической элитой. Насколько новый российский лидер и группирующаяся вокруг него элита способны создать прецедент ненасильственного разрешения конфликтов.

Проблемы демократической консолидации в последнее время вызывают в России немалый интерес в связи с важностью стабилизации общества и обеспечения устойчивости его политической системы. Главной задачей стабилизационной политики становится развертывание интеграционного процесса, создание устойчивого равновесия политических сил, а ее основными содержательными элементами - сплочение различных групп и слоев населения, гармонизация их политических интересов, предотвращение острых политических, этнических, религиозных и иных конфликтов, достижение консенсуса по наиболее важным и острым вопросам общественно-политической жизни, налаживание сотрудничества и тесного взаимодействия всех политических сил.

Несмотря на все сложности экономического развития, политическую и экономическую нестабильность, процессы демократизации продвинулись в России достаточно далеко. Существенные достижения отмечены в области политических прав и свобод - свобода слова, свобода совести, свобода объединений и ассоциаций и др. В политической жизни утвердились плюрализм мнений, многопартийность и альтернативные выборы. Многочисленные исследования свидетельствуют, что за годы реформ сформировались достаточно устойчивые группы граждан, которые, несмотря

на непоследовательность экономических и политических преобразований и неблагоприятные экономические условия, постоянно выражают поддержку демократическим реформам.

Однако поддержка демократических процессов и институтов не всегда согласуется с политической толерантностью, что делает продвижение к демократии противоречивым, неустойчивым и непрочным. За годы реформ в России появились только отдельные элементы демократической политической культуры и гражданского общества, идет сложный процесс формирования правового государства. В последнее десятилетие взаимоотношения в политической сфере очень часто строились на основе конфронтации, противостояния интересов и даже открытой враждебности. Наряду с политической и идейной раздробленностью общества наблюдаются серьезные этнические противоречия и конфликты. В результате общество оказалось внутренне разобщенным.

Политические процессы в российском обществе, как и в любой другой общественной системе, «отражают неизбежную борьбу между стремлением к переменам и стремлением к стабилизации», когда «общественные группы стремятся к различной степени динамики и стабильности»¹. Взаимодействие двух противоположных тенденций почти всегда носит конфликтный характер. Однако в России, находящейся на стадии кардинальных трансформаций, опережающее стремление отдельных групп к переменам нередко вызывает обостренные формы конфликтов.

Конфронтационное развитие политических процессов становится фактором, генерирующим нетерпимость и враждебность к политическим противникам и оппонентам на всех уровнях взаимоотношений субъектов политического процесса. Поэтому в последние годы чаще приходится говорить о необходимости поиска новых путей и подходов к консолидации демократии.

¹ Понтон Д., Джил П. Введение в политику // Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. Вып. 4. – М.: ИНИОН, 1991. – С. 8.

Российский опыт консолидации демократии (который не является еще завершенным) позволяет говорить о некоторых узловых моментах политического обмена между конкурирующими политическими элитами и установлении договорных оснований демократического режима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный этап человеческой истории характеризуется стремительностью перемен, новыми формами распределения власти в международных отношениях.

Первой тенденцией развития современных международных отношений стала их глобализация, заключающаяся в интернационализации экономики, развитии единой системы мировой связи, изменении и ослаблении функций национального государства, активизации деятельности транснациональных негосударственных образований.

Второй тенденцией развития международных отношений стало нарастание глобальных проблем и необходимость их совместного решения.

В мировом сообществе начинает формироваться новый расклад сил, возникают различные подходы к насущным проблемам, усиливаются противоречия, разгораются очаги напряженности, вспыхивают разнообразные конфликты.

Характерной особенностью мирового сообщества и протекающих в нем процессов выступает четко выраженная неравномерность развития отдельных элементов. Наряду с интеграционными процессами наблюдаются и дезинтеграционные. Одни страны, давно прошедшие этап модернизации, вступили в стадию постиндустриального общества, другие – индустриального, и третьи – начинают переходить от традиционного общества к современному. Отсюда разный уровень социально-экономического и политического развития этих стран.

При всем стремлении стран сохранить свою национальную специфику на основе интеграционных процессов неуклонно идет формирование общих, присущих всему мировому сообществу, черт.

В мировом политическом процессе это проявляется в стремлении народов различных стран добиваться установления более прогрессивных режимов, политической демократии, формирования гражданского общества и правового государства.

Можно выделить некоторые характерные черты современного мирового политического процесса.

1. Тесное переплетение революционных и эволюционных сдвигов, обеспечивающих социальный прогресс.
2. В деятельности различных субъектов политического процесса наблюдается соединение сознательных, целенаправленных действий со стихийными, спонтанными действиями.
3. В мировом политическом процессе наравне с прогрессивной деятельностью различных политических институтов осуществляется и регрессивная деятельность.
4. Усиливается независимость и значимость политических партий и движений.
5. Происходит изменение механизмов, форм и методов осуществления политики в связи с усложнением процесса развития.
6. Благодаря воздействию внешних обстоятельств изменяется развитие внутренних основ демократизации – институциональных, нормативных, а также всего политического процесса¹.

Мировой политический процесс – это сложное, многоплановое явление в мировом сообществе. И разворачивается этот процесс как по горизонтали, то есть между странами, народами, государствами, так и по вертикали, то есть в политической, духовной сферах.

Другая важная тенденция в развитии мирового политического процесса на современном этапе – нарастающая его демократизация. Внутри стран и в международной жизни происходит демократизация политических институтов. В рамках мирового политического процесса все шире применяются механизм согласования интересов различных социальных слоев общества и отдельных граждан, поиск и достижение консенсуса.

¹ Цыганков П.А. Международные процессы в условиях глобализации: проблемы эффективной коммуникации// Вестник Моск. ун-та. – М., 1999. - №4 – С.56

Одним из видов политического процесса является демократизация. Последние десятилетия XX в. характеризовались падением авторитарных режимов и попыткой утверждения демократических институтов во многих государствах мира.

Демократизацию можно рассматривать как переход от недемократических форм правления к демократическим. Поэтому возможно использование другого понятия – «демократический транзит», которое не предполагает обязательный переход к демократии, а указывает на то, что демократизация представляет собой процесс с неопределенными результатами. Можно выделить собственно демократизацию как процесс появления демократических институтов и практик и консолидацию демократии как возможный итог демократизации, предполагающий переход к современной демократии на основе укоренения демократических институтов, практик и ценностей.

«Демократический транзит» не всегда включает в себя процесс перехода от установления демократических институтов и процедур к собственно демократическим результатам, поэтому отдельным этапом выделяется фаза консолидации демократии.

Двумя основными процессами установления демократии являются формирование конкурентной партийной системы и институализация демократических механизмов государственной власти. Институализация демократии является важным условием ее консолидации.

При становлении демократии большое значение имеет процедура разработки конституции, которая формируется в ходе консолидации демократических институтов. Оптимальным вариантом является достижение консенсуса по основным институциональным вопросам¹.

Связь консолидации демократии и эффективного государства – это проблема соотношения процедурной и социальной эффективности.

¹ Кретов Б.И. Политический процесс в России // Социально-гуманитарные знания. – 2000. - № 5

Демократия предстает такой избранной стратегией политических обменов, которая позволяет достигнуть эффективности посредством согласия о соотношении оптимальности и справедливости. Организационная эффективность государственного управления также является важным параметром концепции эффективного государства. Достижение организационной эффективности определяется либо в рамках традиционной модели административного управления, либо в рамках новых моделей государственного управления, включающих фактор менеджеризма, рыночных критериев оценки управленческой деятельности. Основные характеристики перехода к новым моделям находят выражение в ориентации современного государственного управления на активность и инновативность, приверженность действию и изменению; в принципе subsidiarity современной организации управления в активном выборе управленцем сферы деятельности, которая бы служила общественным интересам и интересам конкретного человека; в новых критериях эффективности деятельности системы государственного управления. Целью политической и административной реформы на современном этапе является повышение уровня единства в управлении и эффективности руководства и управления на всех уровнях государственной власти.

Консолидация демократии при использовании концепции элит предстает как процесс перемен, осуществляемых по выбору различными группами элит, отношения между которыми и отношения которых к демократии составляет центр проблемы. Борьба за власть между различными элитарными группами часто переворачивает однозначную зависимость между демократией и демократической элитой. В этом случае консолидация демократии определяется уровнем прагматизации политического сознания старой и новой элиты. В этом смысле центральной проблемой консолидации демократии выступает формирование действительно демократической элиты, которая может подчинять свои

интересы демократической процедуре¹.

Развитие общего политического процесса в современной России привело к созданию переходного типа государства, устремленного к демократии. Такое развитие определено как либерализация. Ее суть заключается в том, что усилия государства направлены в первую очередь на создание экономической основы демократии. Либерализация должна способствовать и экономической и политической стабилизации страны.

В современных условиях все большую актуальность, вес и влияние приобретает региональный фактор. Прослеживается четко выраженная тенденция к превращению регионализма в общемировую тенденцию, в контексте которой регионы начинают играть растущую роль в жизни различных стран и народов, а так же общемировых процессов в целом. Это верно применительно и к Кавказу. При анализе места и роли Кавказа как в мировой политике, так и в политической стратегии в России весь регион следует рассматривать как единое целое безотносительно к государственным, административным, этнонациональным и иным границам, разделяющим его изнутри. Обоснованность такого подхода определяется общностью тесных многовековых экономических, культурных, политических и иных связей, исторических судеб, близостью форм, стандартов и стереотипов поведения, особенностями менталитета и др. У народов Кавказа есть и общие цели, интересы, особенно в обеспечении и поддержании в регионе мира и стабильности, преодолении последствий войн и конфликтов, предотвращения нового витка конфронтации, защите его этнокультурного и природно-экологического своеобразия. Стабилизация обстановки на Северном Кавказе, его сохранения в своем составе стоят в качестве одной из императивных задач Российской Федерации. Россия остается реальной основой, способной совместить и примирить различные районы и регионы, в

¹ Элитистская теория демократии и современный российский политический процесс // Полис. 1999. - № 1. – С. 5

том числе и Кавказа, в интересах всеобщего блага.¹

Дальнейшее развитие общего политического процесса России призвано обеспечить повышение уровня политического руководства российским обществом, достижение устойчивости общественных отношений, новые взаимоотношения государства с гражданским обществом, развитие политического плюрализма, проведение эффективной социальной политики, создание и реализацию четкой геополитической программы развития страны, соблюдения ее национальных интересов.

На повестке дня будущего политического развития России обозначены контуры стратегии и направления политического курса, а также цели и ценности, способные стать базой консолидации общества. Основой этой стратегии должна стать система общезначимых ценностей, способных консолидировать общество.

¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: 2003. – С. 43, 87

Библиографический список использованной литературы

1. Авксентьев В. А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 268 с.
2. Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс. Вопросы философии, 1996. - № 6.
3. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии. Полис. 1992. - № 4.
4. Алтухов В. Компромисс – новое слово эпохи? Свободная мысль. 1993.
5. Ашин Г.К. Элитизм и демократизм. Общественные науки и современность. 1996. - № 5.
6. Ашин Г.К., Понеделков А.В. , Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии – М.: «Изд-во ПРИОР», 1999. – 304 с.
7. Бакеркина В.В. Краткий словарь политического языка. – М.: «Изд-во Астрель», 2002. – 288 с.
8. Баранов А.В. Политическая регионология. – М.: Союз, 2003. – 172 с.
9. Барановский В.Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1998.
10. Бек У. Что такое глобализация? - М., 2001.
11. Бенетон Ф. Введение в политическую науку / Пер. с фр. - М.: «Весь мир», 2002. - 368 с.
12. Бутенко А.П. От тоталитаризма к демократии: общее и специфическое // Социально-политический журнал. – 1995. - № 6.
13. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. - СПб., 2001.
14. Варламова Н.В., Пахоленко Н.Б. Общественный консенсус: подходы к проблеме // Государство и право, 1992. - № 9.
15. Василенко И.А. Политическая глобалистика. – М.: Гардарики, 2000. – 417 с.
16. Василенко И. А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. – М.: Гардарики, 2000. – 374 с.

17. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб., 1999.
18. Вейнгагст Б. Политические институты с позиций концепции рационального выбора. – Политическая наука: новые направления. – М., 1999.
19. Возможен ли пакт общественно-политических сил в России? (Круглый стол). – Полис, 1996. - № 5.
20. Володин А. Г. Широков Ш.К. Глобализация, истоки, тенденции, перспективы. Полис, 1999. - № 5.
21. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. - М.: Международные отношения, 1998. – 279 с.
22. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Международные отношения, 2003. – 465 с.
23. Гаджиев К.С. Геополитика. - М.: Международные отношения, 2003. – 384 с.
24. Галкин А. Красин Ю. Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М., 1998.
25. Гатман–Голутвина О.В. Политические элиты России. – М., 1998.
26. Гатман О.В. Региональные элиты современной России как субъекты политического процесса. Вестник Московского университета. М., 1995. - № 4.
27. Гатман О. Региональные элиты современной России: штрихи к портрету // Диалог. – 1996. - № 8.
28. Гапоненко А.И., Полянский В.Г. Развитие региона: цели, закономерности, методы управления. – М., 1999.
29. Гельман В. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. – М., 1999.
30. Гидденс Э. Последствия модернити. Новая постиндустриальная волна на западе. Антология. – М., 1992.
31. Глухова А.В. Региональная элита в зеркале общероссийских

политических процессов. Социально-экономическая реальность и политическая власть. Сборник статей. – Москва – Ставрополь: ИСПИ РАН, 2004. – 280 с.

32. Голосов Г.В. Сравнительная политология. - Новосибирск.: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 334 с.
33. Государственное управление: основы теории и организации. – М., 2000.
34. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М.: Альпина Паблишер, 2003. – 592 с.
35. Гуггенбергер Б. Теория демократии. Полис, 1991. - № 4.
36. Гундарь О.Н. Политическая транзитология: гипотезы и решения. Социокультурные, политические, этнические проблемы современного российского общества: Материалы 49-й научно-методической конференции. – Ставрополь: СГУ, 2004. – 295 с.
37. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? – Полис, 1999. - № 1.
38. Даль Р. Введение в теорию демократии. – М.: Наука, 1992. – 239 с.
39. Даль Р. О демократии. – М., 2000.
40. Даль Р.А. Полиархия, плюрализм и пространство. Вопросы философии, 1994. - № 3.
41. Данилов А.Н. Глобализм, регионализм и современный трансформационный процесс. Социологические исследования, 1998. - № 9.
42. Дегтярев А.А. Основы политической теории. – М.: Высшая школа, 1998. – 239 с.
43. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. – М.: ИНФРА. – М, 2003. – 768 с.
44. Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов. Полис, 1999. - № 3-4.
45. Демидов А.И. Учение о политике: философские основания. – М., 2001.
46. Дилигенский Г. Актуальные вопросы глобализации. Круглый стол МЭ и

- МО. Мировая экономика и международные отношения. 1999. - № 4.
47. Дмитриев А.В. Конфликтология. – М.: Гардарики, 2000. – 320 с.
 48. Дульщикова Ю.С. Региональная политика и управление. – М., 1998.
 49. Елизаров В. От авторитаризма к демократии: две модели // Pro et contra. 1998. - № 3.
 50. Елизаров В.П. Элитистская теория демократии и современный политический процесс. - Полис, 2000. - № 1.
 51. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1997.
 52. Вершинин М.С., Хренов. Записная книжка политолога. Краткий словарь- справочник. – М.: «Аквилон», 1992. – 73 с.
 53. Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: Городец, 2004. – 232 с.
 54. Гуткин Л.С. Человечество на рубеже веков. – М.: «Логос», 2003. – 215 с.
 55. Иванов В.Н. Россия: социально-политическая ситуация. (Национальный и региональный аспекты). – М.: ИСПИ РАН, 2000. – 96 с.
 56. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М., 2000.
 57. Ильин М.В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости. – М., 2000.
 58. Ильин М.В. Политическая модернизация: Неоконченная драма в трех действиях // Стратегия. 1998. - № 1.
 59. Ильин М.В. Политическое самоопределение России. Pro et contra. 1999. - № 3.
 60. Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Демократия и демократизация. – Полис, 1996. - № 5.
 61. Инглехарт Р. Посмодернизм: меняющиеся ценности и изменяющееся общество. Полис. 1997. - № 4.
 62. Иноземцев В.Л., Кузнецов Е.С. К проблеме трансформации мирового порядка в XXI веке. Философские исследования, 2001. - № 3.
 63. Истон Ф. Категории системного анализа политики // Антология

мировой политической мысли. – М., 1997.

64. Каширин В. И. Глобалистика и философия планетарного самосознания. Ставрополь: СГУ, 1988.
65. Климанов В.В. Региональные системы и региональное развитие в России. – М., 2003.
66. Ковлер А.И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. – М., 1997.
67. Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб, 1995.
68. Колодин А. Поиск взаимных компромиссов // Высшее образование в России. 2000. - № 2.
69. Коломийцев В.Ф. Демократический режим // Социально-гуманитарные знания. – 2000. - № 5.
70. Комаровский В.С., Смирнов В.В. Политика, политология, политическое управление. – М., 1995.
71. Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: «Весь мир», 2003. - 784 с.
72. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. - № 3.
73. Красильщиков В.А., Гутник В.П. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. – М., 1994.
74. Кретов Б.И. Политический процесс в России // Социально-гуманитарные знания. 2000. - № 5.
75. Кузнецов В. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1998. - № 2; № 3.
76. Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. - № 4.
77. Купряшин Г.Л. Кризисы модернизации // Кентавр. 1994. - № 3.
78. Купряшин Г.Л. Политическая модернизация. – М.: Мысль, 1991. – 287 с.
79. Купряшин Г.Л., Соловьев А.И. Государственное управление. – М.,

1996.

80. Къезо Д. Переход к демократии. – М.: Международные отношения, 1992. – 376 с.
81. Лапина Н.Ю. Региональные элиты России. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – 192 с.
82. Лапкин В.В., Пантин В.И. Волны политической модернизации в логике «противоцентра» // Мегатренды мирового развития. – М., 2001.
83. Лебедева М.М. Мировая политика. – М., 2003.
84. Лебедева М.М. Мировая политика: проблемы и тенденции развития. Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия. – М., 2000.
85. Лебедева М.М. От конфликтного восприятия к согласию // Полис. 1996. - № 5.
86. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с.
87. Лебедева М.М. Формирование новой политической структуры мира и место России в ней // Мегатренды мирового развития. – М., 2001.
88. Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. «Переходный возраст» современного мира. – Международная жизнь, 1999. - № 10.
89. Лейбович М.Н. Модернизация в России. – Пермь, 1996.
90. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.
91. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 317 с.
92. Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий. – Полис, 1995. - № 2.
93. Лейпхарт А. Со - общественное конструирование. – Полис, 1992. - № 4.
94. Липсет С.М., Сен К.-Р., Торрес Д.Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология,

1993. - № 3.
95. Лоуи Т. Глобализация, государство, демократия: образ новой политической науки. – Полис, 1999. - № 5.
96. Лэйн А.-Э. Демократия и конституционализм. – Полис, 1998. - № 6.
97. Мадатов А.С. Проблемы политического участия в демократическом процессе // Социальное и гуманитарное знание. 1999. - № 2.
98. Мангейм Д., Рич Р. Политология. Методы исследования. – М.: Весь мир, 1997. – 347 с.
99. Макарян А.С. Глобализация и человеческий потенциал. – М.: Экономика, 2003. – 158 с.
100. Матвеев Р.Ф. Теория политических процессов. – Саратов, 1996.
101. Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. – М.: Юрайт – Издат, 2003. – 224 с.
102. Медведев Н.П. Политическая регионалистика. – М.: Гардарики, 2002. – 176 с.
103. Медведев Н.П. Социальная транзитология: вопросы содержания и методы / Материалы 49-ой научно-практической конференции «Университетская наука – региону». – Ставрополь: СГУ, 2004. – 295 с.
104. Моррис Дж. Игры политиков. – М.: Транзит – книга, 2004. – 381 с.
105. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М., 1997.
106. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. – М., 1999.
107. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис, 1998. - № 2.
108. Мировая экономика и международные отношения, 1999. - № 4.
109. Мощелков Е.Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. – М., 1996.

110. Мясников О.В. Смена правящих элит: консолидация или вечная схватка // Полис, 1993. - № 1.
111. На пороге новой регионализации в России. – Н. Новгород: ЦСИ ПФО, 2001.
112. Нагель С. Соединяя капитализм, социализм и демократию: практическая политика в России и США. – М., 1999.
113. Никитченко А.Н. Транснационализация демократии: Третья волна демократизации в свете теории международных отношений. Космополис. Альманах, 1997.
114. Охотский Е.В. Политическая элита и российская действительность. – М., 1996.
115. Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. – М.: «Новый век», 2003. – 276 с.
116. Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 258 с.
117. Паренти М. Демократия для немногих. – М.: Прогресс, 1990. – 501 с.
118. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.
119. Пеньков В.Ф. Политический процесс и политическая культура. – М., 2000.
120. Перегудов С.П. Организованные интересы и государство: смена парадигм // Полис. – 1994. - № 2.
121. Передерий С.В. Политическая власть в современном российском обществе: новые реалии и тенденции / Материалы 49-й научно-методической конференции «Университетская наука – региону». – Ставрополь.: СГУ, 2004. – 295 с.
122. Пляйс А.В. Политология и актуальные проблемы политической жизни современной России. – М., 2002.
123. Политическая культура: теория и национальные модели. – М.: Интерпранс. – 352 с.

124. Политическая наука на рубеже веков // Проблемно-тематический сборник ИНИОН РАН. – М.: ИНИОН РАН, 2000.
125. Политическая энциклопедия. – В 2 тт. – М.: Мысль, 1999. – 751 с.
126. Политические процессы в России в сравнительном измерении. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. – 297 с.
127. Политический процесс в России: современные тенденции и исторический контекст. – М., 1995.
128. Политология: Энциклопедический словарь. – М., 1993.
129. Политологический словарь. – М., 1995.
130. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. – М., 2001.
131. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сб. учеб. мат. / Под ред. Мелешкиной Е.Ю. - М.: «ИНФРА-М», 2001. – 304 с.
132. Политология. – М.: Изд-во «ПРИОР», 2000. – 432 с.
133. Политологический словарь. – М.: Мысль, 1995. – 542 с.
134. Политология. – Краткий словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 448 с.
135. Политология (проблемы теории) – СПб.: Изд-во «Лань», 2000. – 384 с.
136. Политология: Энциклопедический словарь. – М.: Мысль, 1993. – 457 с.
137. Понеделков А.В., Старостин А.М. Введение в политическую элитологию. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 239 с.
138. Политическое консультирование.– М.: Никколо Макиавелли, 2002.470 с.
139. Попов А.И. Региональная политика в России: проблемы государственного управления. – М., 1999.
140. Поповиц М., Пинеиру П. Как консолидировать демократию? Взгляд сквозь призму прав человека // Международный журнал социальных наук. Измерение и оценка развития, 1995. - № 10.
141. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь, 1996. - № 10.
142. Пронкин С.В., Петрунина О.Е. Государственное управление зарубежных стран. – М., 2001.

143. Пряхин В.Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве. – М., 2002. – 312 с.
144. Пушкарева Г.В. Политический менеджмент. – М.: Дело, 2002. – 396 с.
145. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис, 1996. - № 5.
146. Рациональный выбор в политике и управлении / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1998. – 374 с.
147. Реализация принципов федерализма (на примере Северного Кавказа). – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 258 с.
148. Регион как субъект политики и общественных отношений. – М., 2000.
149. Риггс Ф. Непрочность режимов «третьего мира» // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология, 1993. - № 1.
150. Россия: центр и регион. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. – 406 с.
151. Россия регионов: трансформация политических режимов / Под общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова и др. – М.: Гардарики, 2000. – 376 с.
152. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис, 1993. - № 2.
153. Сартори Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. – М., 1992.
154. Современная российская политика / Под ред. В. Никонова. – М.: Олма-Пресс, 2003. – 222 с.
155. Соловьев А.И. Конфликты в государственно-административной сфере // Полис, 1997. - № 4.
156. Соловьев А.И. Противоречия согласительных процессов в России // Политические исследования, 1996. - № 5.
157. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М.: Гардарики, 2000. – 411 с.
158. Сравнительное государственное управление: Теория, реформы, эффективность. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2000. – 370 с.
159. Старостин Б.С. и др. Модернизация и национальная культура: Материалы теоретического семинара. – М.: Мысль, 1994. – 197 с.

160. Строев Е. Самоопределения России и глобальная модернизация. – М.: Экономика, 2001. – 350 с.
161. Социальное согласие в современном мире. – М., 2000. – 145 с.
162. Тавадов Г.Т. Политология. – М.: Проект, 2002. – 368 с.
163. Тихонравов Ю.В. Геополитика. – М.: Инора, 2000. – 269 с.
164. Толерантность как основа социальной безопасности. – М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2002. -160 с.
165. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии, 2000. - № 1.
166. Трошихин В.В., Теплов В.И. Культура политического процесса. – М., 2001.
167. Туры к реформе институтов власти. – Власть, 1999. - № 11.
168. Фарукшин М.Х., Юртаев А.Н. От культуры конфронтации к культуре диалога. – Полис, 1992. - № 2.
169. Фельдман Д.М. Политология конфликта. – М., 1998.
170. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис, 1994. - № 1.
171. Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии консолидации. – МЭ и МО, 1995. - № 6.
172. Харитоновна О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. – 1996. - № 5.
173. Цыганков П.А. Международные процессы в условиях глобализации: проблема эффективной коммуникации // Вестник Моск. ун-та; Сер. 18: Социология и политология, 1994. - № 4.
174. Чекалкин В. Динамика современного политического процесса в России // Власть, 1997. - № 8.
175. Шабров О.Ф. Демократия и гражданское общество. – Полис, 1992. - № 4.
176. Шабров О.Д. Политическое управление: проблема стабильности и развития. – М.: Мысль, 1997. – 297 с.
177. Шабров О.Ф. Управленческие решения. – М.: Мысль, 1997. – 317 с.

178. Шалин В.В. Толерантность (Культурная норма и политическая необходимость). – Краснодар.: Периодика Кубани, 2000. – 256 с.
179. Шамхалов Ф. Теория государственного управления. – М., 2002.
180. Шапиро И. Демократия и гражданское общество. – Полис, 1992. - № 4.
181. Шапиро И. Демократия и гражданское общество. – Полис, 1992. - № 4.
182. Шестопал Е. Психологический профиль российской политики 1980-х. – М., 2000.
183. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис, 1996. - № 5.
184. Шутов А.Ю. Политический процесс. – М., 1994.
185. Эйзенштадт Ш. Модернизация: сопротивление и изменение. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 371 с.
186. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
187. Эндрейн Чарльз Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования (пер. с англ.). – М.: ИНФРА, 2000. – 320 с.
188. Юрченко В. М., Кольба А. И. Государство как медиатор этнополитических конфликтов на Северном Кавказе//Сб. научн. ст. – Москва-Ставрополь, 2002. – 653 с.
189. Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton N J: Princeton University Press, 1963.
190. Dahl R. Democracy and its Critics. New Haven, London: Yale University Press, 1989.
191. Diamond L. Introduction: in Search of Consolidation // Consolidating the Third Wave Democracies. Regional Challenges / F.d. bi L. Diamond. M. Planner, Y. Chu and H. Tine. Baltimore, London: The Jons Hopkins University Press, 1997.
192. Diamond L. The Globalizations of Democracy // Global Transformation and the Third Wave / Ed. bi R. Slaater, B. Schutz, St. Dorr.

- Boulder: Lunne Rienner, 1993.
193. Diamond L. Is the Third Wave Over? *Journal of Democracy*, 1996. Vol. 7. N3.
 194. Diamond L. *Developing Democracy: Toward Consolidation*. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 1999.
 195. Huntington S. *Democracy's Third Wave* // *Journal of Democracy*. Spring, 1991.
 196. Huntington S. *Democracy's Third Wave Democratization in the late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press. 1991.
 197. Linz J., Stepan A. *Toward Consolidated Democracies* // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. N 2.
 198. Lindblom Ch., Woodhouse L. *The Policy - Making Process*. - Englewood cliffs, 1993.
 199. Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation*. Baltimore. L., 1996.
 200. Mainwaring S., O' Donnell G., Valenzuela A. (eds) // *Illusions in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective*. University of Notre Dame Press, 1992.
 201. O' Donnell G. *Illusions about Consolidation* // *Journal of Democracy*. 1996. Vol 7. - № 2.
 202. O' Donnell G., Schmitter Ph. And Whitehead L. (eds.) *Transitions for democracy*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.
 203. Rustow D. *Transitions to Democracy* // *Comparative Politics*. 1970. Vol. 2. № 1.
 204. Schmitter Ph. *Interest Systems and the Consolidation of Democracies* // *Reexamining Democracy. Essays in Honor of Seymour Martin Lipset* / Ed. by G. Marks, L. Diamond. , London: Sage Publications. 1992.
 205. Stepan A. and Skach C. *Constitutional / Frameworks and Democratic Consolidation* // *Democracy in the 1990-s. A Special Issue of «Global Issues in Transition»* 1994. № 6 January.